

Произведения победителей Седьмого открытого заочного литературного конкурса имени Константина Сергеевича Бадигина - Номинация «Малая проза и публицистика»

Первое место (золото) и звание лауреата:

[Алёна Даль](#) (персональный номер участника - 799)

Второе место (серебро) и звание лауреата:

[Белый Константин Владимирович](#) (776)

Третье место (бронза) и звание лауреата:

[Деревянченко Виктор Анатольевич \(П. Карлофф\)](#) (791)

Третье место (бронза) и звание лауреата:

[Хохряков Евгений Михайлович](#) (729)

Третье место (бронза) и звание лауреата:

[Рыбаков Константин Павлович](#) (665)

Звание дипломанта:

[Воронина Вероника Юрьевна](#) (727)

[Ковяткина Лариса Юрьевна](#) (767)

[Поздняков Владимир Игнатьевич](#) (730)

[Старовойтов Валерий Иванович](#) (784)

[Рапецкая Юлия Владимировна](#) (674)

[Алексеев Дмитрий Александрович \(Ирма Гиоргалдзе\)](#) (763)

[Чурин Михаил Юрьевич](#) (669)

[Макаров Андрей Викторович](#) (663)

[Александр Ралот](#) (628)

Алёна Даль – родилась в Воронеже. Окончила экономический факультет Воронежского государственного технического университета (ВГТУ).

Преподаватель кафедры «Издательское дело» ВГТУ. Примерила на себя десяток профессий. Участвовала в кругосветке. Сделала блестящую карьеру в информационной сфере, создала успешный издательский бизнес, затем оставила его, чтобы заняться любимым делом. Прозаик и публицист, член СПР. Автор нескольких книг. Лауреат международных конкурсов.

Живёт в Воронеже.

Шторм

Сигнал бедствия капитан Петренко получил без пяти минут шесть. Загрузившись в Буэнос-Айресе зерном до Портленда, балкер прошёл без происшествий почти пятьсот миль. Этот контракт получился длинным – девятый месяц без семьи. Пора домой. Хотя где теперь его дом?..

Риторические вопросы никогда не нравились Петренко. Тем более сейчас, когда от него требовалось другое: спасти людей, оказавшихся один на один со стихией. Это был незыблемый долг моряка, морской закон, стоящий выше всех прочих кодексов и правил.

– Вас понял, – ответил капитан по рации бразильской спасательной службе. – Меняю курс. Расчётное время подхода – два часа.

– Поторопитесь, – попросили в трубке. – Судно полностью потеряло управление. На борту восемь человек экипажа и два пассажира.

Петренко бросил взгляд на монитор – до линии шторма тридцать миль.

– Сделаю всё возможное.

Он отключил рацию и нажал кнопку судовой связи.

– Внимание! Говорит капитан корабля. – раздалось из динамиков. – Судно экстренно меняет курс. В тридцати милях на юго-восток от нас терпит бедствие парусный катамаран «Немо» под флагом Кипра. Экипажу приготовиться к форсированному ходу и спасательной операции.

Согласно морской практике, капитан обращался к команде на английском – в экипаже помимо русскоязычных моряков были филиппинцы и поляки. Вся команда слаженно, без лишней суеты приступила к выполнению поставленной задачи.

Вот уже пару лет, уходя в рейс, Андрей Кузьмич Петренко, всякий раз думал, что это в последний раз. Морская выслуга позволяла ему в любой момент сойти на берег. Но море не отпускало. Да и переезд семьи в Болгарию требовал финансовых вложений.

Одесса, где он отучился в высшей мореходке, за тридцать лет сильно изменилась, превратившись из яркой, шумной, весёлой морячки в строгую, сухую старуху с поблекшими, заплаканными глазами. Особенно состарили её последние годы. Сыновья её разругались насмерть, брат пошёл на брата, и она – мать – ничего не могла с этим поделать...

Когда Петренко был курсантом ОВИМУ, никто даже в самом страшном сне не мог представить, что такое возможно. В роте с ним учились ребята со всего Союза. Белые лайнеры на причалах Морвокзала, украшенные флагами всех стран, белые кители капитанов, белые чайки, одинаково крикливые во всех портах мира... Когда они сидели с другом Сергеем Фроловым у пирса той весной 1991 года, перед защитой диплома, спорили лишь об одном – кто первый станет капитаном. Оба мечтали распределиться в ЧМП. И никто из них не подозревал, что Черноморское пароходство так скоро прекратит своё существование. И что капитанский пост им придётся зарабатывать при других обстоятельствах. Да что об этом вспоминать...

К капитану подошёл вахтенный штурман.

– Кэп, есть связь с катамараном, – и протянул рацию.

– Говорит капитан балкера «Юнион». Находимся примерно в восьми милях от вас. Идём полным ходом. Уточните ваши координаты.

На том конце трубки назвали цифры. Петренко понял, что катамаран сносит в сторону, вглубь циклона.

– Что с судном?

– Рулевая коробка вышла из строя. «Ухо» отломилось. Судно неуправляемо.

– Ясно. Есть пострадавшие?

– Серьёзных – нет.

– Ладно. Держитесь, ребята! Мы идём. На связи.

И только закончив разговор, Петренко понял, что английский язык, на котором шли переговоры, был для чужого моряка, как и для него самого, неродным.

Балкер «Юнион» выжимал свой максимум – 15 узлов. Старпом держал связь со спасательной службой Бразилии. Стало ясно, что их судно – ближайшее к терпящему бедствие катамарану. Несмотря на это, по координатам выдвинулись для подстраховки ещё два корабля – греческий танкер и порожний сухогруз под флагом Панама.

Окончательно рассвело. Петренко продолжал напряжённо всматриваться через бинокль в линию горизонта. Вскоре он увидел хорошо знакомую фиолетовую кромку циклона. Зыбь усилилась. Но гружёный балкер крепко держал курс.

Снова ожила рация.

– Говорит капитан «Немо», – раздалось в трубке.

– Слушает капитан Грант, – не удержался от шутки Петренко.

– Нам не до шуток. У нас ещё одна проблема – обнаружена течь, – сообщили с катамарана. – Пытаемся остановить, но трещина большая.

– Извини, дружище, – произнёс капитан, – полчаса продержитесь. Входим в зону шторма. Скоро будем.

«Юнион» с разбегу воткнулся в ватную гущу солёного тумана. Однако волны немного сгладились, присмирели. Петренко знал это явление штормовой «передышки», когда между двумя актами бури случается «антракт», резко ухудшающий видимость, но дающий возможность приблизиться к тонущему кораблю. Этот «антракт» мог длиться полчаса или час, но неизменно завершался ещё большим штормом.

– «Немо», как слышно меня? – крикнул в трубку Петренко.

– Капитан «Немо» слушает, – голос на том конце был уставшим, но спокойным.

– Видимость очень плохая. Включите все огни. По координатам мы близко.

– Уже включили. Ждём.

– Что у вас с течью?

– Устранили. Справились, слава Богу! – последние два слова капитан катамарана произнёс на русском.

Услышав родной язык, Петренко облегчённо вздохнул. Он понял, что они успели вовремя, и теперь всё будет хорошо. В тумане проступили пятна сигнальных прожекторов. Взыла сирена.

– Вижу ваши огни, – перешёл он на русский.

– Я тоже вижу вас, «Юнион».

В этот момент сверху хлынул дождь. Серая стена воды встала между кораблями. Зыбь усилилась. Это означало, что «антракт» скоро закончится, и выплакавшись, буря грянет с новой силой. Оба капитана понимали это.

– «Немо», нас сильно раскачало, – произнёс Петренко. – Шлюпки спустить не сможем. Подойдём кормой с подветренной стороны.

– Вас понял, «Юнион». Готовы принять концы.

Балкер медленно развернулся, стал носом к волне и попятился кормой к катамарану. А потом, прикрывая «Немо» от ветра, прижался правым бортом. Среди дождя и тумана проявились, словно на чёрно-белой фотографии, фигуры людей. На палубах обоих кораблей стояли вымокшие насквозь моряки и глядели друг на друга. Этот взгляд длился одну минуту, а может быть, вечность... То был взгляд внезапно обрётённой надежды.

С палубы балкера полетели концы, их поймали матросы катамарана. Корабли тесно прижались друг к другу. Началась спасательная операция.

Закрепив на стропах ценный груз, быстро перебросили его на «Юнион». Матросы с двух сторон тянули канаты, но волнение усиливалось. Для переброски людей оставалось полчаса, не больше. Сначала к страховочным стропам привязали поочерёдно двух пассажиров и переместили на палубу балкера. Теперь борта кораблей бились друг о друга сильнее, тёрлись и скрежетали. Моряки «Немо», ловя подходящий момент, один за другим прыгали на трап. С каждым разом делать это становилось всё труднее и опаснее. Один человек сорвался вниз – матросам балкера пришлось буквально выдернуть его из бездны. Минутой позже – и его раздавило бы между бортами.

Капитан катамарана, еле удерживаясь на ногах, поправил крепление буксировочного троса. Он надеялся спасти корабль.

– Эй, капитан, поторопись, – крикнул в мегафон Петренко.

Тот махнул рукой и защёлкнул на поясе карабин страховки. Катамаран раскачивался на волнах всё круче, не оставляя шанса уцепиться за трап. Правым бортом «Немо» нырнул в воду и подпрыгнул. Время шло на минуты.

– Даю малый вперёд, теряем управляемость! – объявил Петренко. – Сможешь на ходу?

– Буду пробовать. Другого выхода нет!

Капитан Петренко до рези в глазах следил за движениями хрупкой фигуры, столь слабой и уязвимой в сравнении с яростной мощью стихии.

Когда между бортами образовалась пара свободных метров, капитан «Немо» выкрикнул:

– Вира! – и, оттолкнувшись, прыгнул в бездну.

Матросы балкера синхронно дёрнули спасательные концы – моряк уцепился за нижнюю перемышку трапа. Подтянулся, ухватился обеими руками. Из последних сил стал карабкаться вверх, подтягиваемый страховочными тросами. И вот наконец, перевалившись через борт, рухнул на палубу. В этот самый момент катамаран развернуло.

Капитан Петренко вдруг сорвал с головы капюшон и упал на колени возле чудом спасённого моряка. Он не поверил своим глазам.

– Фрол! Ты что ли?! – схватил за грудки обмякшее тело.

Спасённый разлепил мокрые веки и слабо улыбнулся.

– Он самый... Петрак?!

– Я.

Капитан «Немо» пошевелил рукой и, скривившись от боли, отключился.

– Во вторую каюту его! – скомандовал Петренко на ходу, взбегая на мостик. – Остальных тоже разместите и окажите первую помощь.

В рубке он задал рулевому курс и взял в руки микрофон судовой связи:

– Внимание! Говорит капитан корабля. Спасательная операция завершена. Все моряки «Немо» приняты на борт, продолжаем буксировку катамарана. Судно следует в порт Рио-Гранде. Экипажу приступить к своим обязанностям по судовому расписанию.

Петренко посмотрел на часы – от момента получения сигнала SOS до объявления прошло восемь часов. Доложив в спасательную службу Бразилии, уведомив капитанов судов, страхующих операцию, он бросил взгляд в иллюминатор и увидел среди лохматых туч робкие проблески солнца.

Балкер «Юнион» натужно резал волну, упрямо выбираясь из шторма. На буксире болтался обессиленный катамаран «Немо». Все люди спасены – это главное. Петренко почувствовал накатившую девятым валом усталость, опёрся спиной о стену рубки и прикрыл глаза. Выполнив главное, тело позволило себе заявить о слабости и боли. Это нормально.

Капитан вернулся в каюту, скинул на пол мокрую штормовку. Взгляд его упал на стол с привинченным, в траурной рамке портретом сына. В грудь вонзилась привычная, ржавая, с зазубринами игла. Эту боль унять было куда труднее, как и неустанные, изнуряющие мысли о войне.

Сын Тарас – погибший и непогребённый – глядел на него с фотографии – улыбающийся, машущий рукой, обещавший вернуться. И навеки не выполнивший своего обещания. Капитан Петренко ждал кулаки и зубы. Ничего не исправить.

В ту весну Андрей Петренко через знакомых переправил жену с дочкой из Одессы под Полтаву. А потом переселил ещё дальше – в Варну. Курская родня жены, узнав на чьей стороне воевал сын, принять их отказалась.

Капитана Петренко грызло ещё одно: пропасть, разделившая их с сыном в последние годы. Сначала он списывал всё на извечную проблему отцов и детей. Потом понял, что не только это. Сам он дома бывал редко – всё старался семью обеспечить, рейсы не выбирал, менял суда, не глядя продлевал контракты. И упустил что-то важное. Когда пришёл в очередной отпуск – сын уже говорил исключительно на мове, подтрунивал над отцом, когда тот его не понимал. Начал делить людей на украинцев и москалей. А потом...

В дверь каюты постучались.

– Капитан «Немо» просит о встрече, – доложил вахтенный матрос-филиппинец.

– Пригласи! – распорядился Петренко.

Неожиданно его охватило волнение. С Фролом они не виделись десять лет. Последний раз встречались в Одессе на юбилее Мореходки. Столько воды утекло с тех пор. И столько крови пролилось...

– Разрешите? – на пороге стоял Сергей Фролов, его сосед по курсантскому кубрику, лучший друг, почти брат. Рука его была перевязана. Мокрые волосы приматы набок.

– Проходи, садись, – Андрей Петренко кивнул на кресло. – Документы принёс? – спросил лишь бы заполнить возникшую вдруг пустоту.

– Да. – Фролов вытряхнул из папки судовые документа, паспорта.

– Что с рукой?

– Да так, ерунда.

Петренко раскрыл наугад синий паспорт моряка. Фролов Сергей Петрович. Гражданин России.

– Давно под Кипрским флагом ходишь? – поднял бровь.

– Восемь лет.

Разговор не клеился. Формальные вопросы, задаваемые капитаном экипажу спасённого судна, казались плоскими, казёнными.

Капитан Петренко отодвинул документы в сторону.

– Слушай, к чёрту бумаги! Давай так: расскажи, как ты прожил эти десять лет, что мы не виделись. А я – тебе расскажу. Можем же мы поговорить как старые друзья? Ну, или как новые враги... –

взгляд Петренко зачерствел.

Он поднялся к шкафу, вытащил из бара бутылку рома и два квадратных стакана. Плеснул на дно каждого, подвинул один гостю.

– Ну что – за встречу? – предложил торопливо.

Фролов молча кивнул. Они клацнули стеклянными гранями и выпили.

– Хороший ром, – похвалил гость. – А водка есть?

– Горилка есть, – усмехнулся Петренко.

– Давай! – согласился Сергей.

Он сам разлил здоровой рукой по стаканам новый напиток.

– Вот теперь за встречу! – и, зажмурившись, выпил.

Жидкость обожгла горло, растопила сковавший грудь лёд.

– Как жил, говоришь? – задумчиво произнёс Сергей. – По-разному жил. Старался жить честно. Даст Бог, поживу ещё. Спасибо! – он поднял глаза на Петренко. – Тебе я обязан жизнью.

Андрей хотел что-то ответить, но вместо этого сморщился и со злостью плеснул по стаканам.

– Поживём ещё, да... – взгляд его стал свинцовым, чужим. – Но не все... – губы капитана побелели и задрожали. – Сына моего помянем – Тараса Петренко, – он с такой силой сжал в руке стакан, что тот едва не треснул.

В его глазах Фролов прочёл слепую ярость, увязанную смирительной рубашкой обстоятельств. Неутолимую ничем боль, гневный упрёк, адресованный лично ему – русскому моряку, другу юности, который сидит сейчас напротив и пьёт с ним, и благодарит за спасение.

– Тогда и моего помянем, – глухо добавил Сергей, сглотнув шершавый ком. – Ивана Фролова.

Петренко поднял на него усталые глаза:

– Там? – хрипло спросил, сомкнув на переносице брови.

– Там, – еле слышно ответил друг.

Моряки выпили и надолго умолкли.

Качка прекратилась. Шторм остался далеко позади. Ровный гул мотора смешивался со слабым треском судового динамика. Кто-то забыл отключить рацию.

Смерть сыновей будто уравнила их в горе, в нестерпимой, ничем не оправданной и не имеющей оправдания потере... И в праве жить дальше. И говорить об этом друг с другом, бесслёзно оплакивая своих детей.

Когда на горизонте показалась береговая линия Бразилии, два капитана – Фролов и Петренко – знали друг про друга всё: кто где работал, куда ходил, кого потерял, чего лишился... Разделившие их десять лет спрессовались в три часа, промелькнувшие как три мгновения. Но вместившие в себя много больше судовых журналов, официальных бумаг, казённых рапортов...

Жизнь двух моряков просолилась и выпарилась, оставив самую суть – солёный концентрат, пересыщенный раствор горя и боли. Чьего горя больше? Чьей боли? Не измерить, не взвесить... Здесь, среди суровых, бесстрастных волн Атлантики, их боль сплавилась воедино. Их отдельные горькие судьбы слились в общую трагедию отцов, оставшихся вопреки всему друзьями, но потерявших ставших врагами сыновей...

В порту Рио-Гранде моряков ждали. Как только экипажи «Юнион» и «Немо» ступили на берег, их окружила толпа журналистов. Заморгали вспышки, заработали камеры.

- Если бы вы знали, что под флагом Кипра работает российский экипаж, стали бы их спасать?
- Отражаются ли международные санкции на Конвенции по морскому праву?
- Вправе ли суда под российским флагом рассчитывать на помощь украинских моряков?
- На каком языке вы общались на борту «Юнион»? О чём говорили?
- Это правда, что вы учились вместе в Одессе?
- Вы говорили о политике, о войне?
- Смогли бы вы работать в одном экипаже?

Ни Петренко, ни Фролов не проронили ни слова. Оба капитана не хотели разменивать на слова то, что возникло между ними в тот день. А через пару часов, уладив формальности, ударили по рукам, обнялись крепко и разошлись, как в море корабли...

...И вновь за бортом тревожно шумят волны. Угрожающе ревет океан. Коварные течения толкают корабли на скалы. Густеют на горизонте тучи, гремят шторма. И, кажется, весь мир – это безумный корабль с терпящим бедствие человечеством на борту...

И снова летит в эфир отчаянный сигнал SOS! Спасите наши души! И кто-то вновь придёт на помощь. А как иначе? По-другому и быть не может... Об этом вам скажет любой моряк.

Белый Константин Владимирович – родился в 1971 году в Москве. Окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности биофизика. Кандидат педагогических наук. Российский спортсмен, тренер и спортивный организатор в области единоборств. Мастер спорта России по каратэ Кёкусинкай. Заслуженный тренер России. Член Союза журналистов и член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Праведный воин

Обращаясь к русской истории, раз за разом находишь в ней фигуры, уникальность деяний которых можно по-настоящему оценить только по прошествии веков. Но, к сожалению, бывает и так, что имена настоящих героев забываются на долгие годы, даже при том, что слава их признана всем миром. Во многом так случилось и с памятью о человеке, чей вклад во славу русского оружия настолько велик, что памятники ему стоят в Болгарии, Греции, Италии. А вот в России о нём после почти 100 лет забвения вспомнили только в самое тяжёлое время – во время Великой Отечественной войны, когда понадобился символ воинской славы и победы. К счастью, в новом тысячелетии многое изменилось к лучшему, и восстановление исторической правды завершилось поистине уникальным событием для всего мира. В 2001 году – впервые в истории христианства! – Русская православная церковь канонизировала моряка и, более того, – адмирала! Святым праведным воином был наречён Фёдор Фёдорович Ушаков – флотоводец, полностью изменивший каноны ведения морских сражений и за 46 лет службы не проигравший ни одной битвы.

Россия – морская держава

Средиземноморье – родина европейской цивилизации. Оно также является и колыбелью мореплавания, вошедшего в плоть и кровь многим европейским народам, этносам и культурам, исторически пребывавшим на его побережье или в непосредственной близости от него. А если тот или иной народ проживал на удалении от акватории Срединного моря, расположенного между тремя континентами – Европой, Азией и Африкой, то приобщался к культуре мореплавания и кораблестроения через политические, хозяйственные и культурные контакты с народами, освоившими берега этой «колыбели». Так мореходы Древнего мира – греки, финикийцы, карфагеняне и римляне – передали морскую культурную эстафету накануне Средневековья кельтам и германцам, которые в свою очередь «по цепочке» помогли к началу *Нового времени* стать морскими державами Испании, Португалии, Англии, Дании и Швеции.

А вот восточным славянам, находившимся вдалеке от субтропической климатической зоны Средиземноморья и не имеющим выхода к берегам незамерзающих морей, пришлось проходить этот путь во многом самостоятельно. Никто из старых и маститых членов «морского братства» не передал «морскую» эстафету тем, кто жил восточнее Вислы в глубине евразийского материка, поскольку не желал впускать «диких лесных варваров» в свой элитный морской коллектив. Восточным славянам, а потом и русским, Русскому государству, а вслед за ним и Российской империи пришлось добиваться всего своим умом, своими силами, порою расталкивая локтями постояльцев морского клуба, наглухо закрывших двери, ведущие к мировым морским просторам и их ресурсам. Но откуда у людей, проживавших в тысячах вёрст от морского побережья, обнаружилось столько сноровки к мореходству, кораблестроению, флотоводству и военно-морской славе? Видимо атмосфера гигантских евразийских просторов, которой они дышали с рождения, была сродни морской и океанической. Всего за какие-то 50-70 лет (миг в масштабах всеобщей истории!) русские моряки сравнялись, а потом и превзошли «патрициев» морского клуба.

Первый русский генерал-адмирал, строитель в Воронеже и Азове Азовской флотилии, участник Гангутской триумфальной морской баталии, президент Адмиралтейств-коллегии Фёдор Матвеевич Апраксин стал первым, кто в XVIII веке увлёк за собою череду других славных сынов России, поднявших мировую значимость российского флота до уровня английского, обогнав при этом французский, шведский и турецкий. Среди его преемников Григорий Спиридов и Алексей Орлов – герои Хиосского и Чесменского морских сражений, Василий Нагаев – гидрограф, картограф, педагог и организатор морского кадетского корпуса, и, наконец, Фёдор Фёдорович Ушаков, великий российский непобедимый и на море, и на суше (!) флотоводец, строитель морских портов, верфей, кораблей. А ведь он, как и Нагаев, у которого обучался в Морском кадетском корпусе, был из незнатного дворянского рода, выходцем из деревни, которую с трудом можно найти на карте. Нагаев родился в 70 километрах от Москвы в деревне Сертякино (ныне Подольский район), а Ушаков – в селе в 55 километрах от Ярославля.

Адмирал из русской глубинки

Фёдор Фёдорович Ушаков родился в 1744 (по другим данным – в 45-ом) году в глухой провинции – в селе Бурнаково Ярославской губернии, недалеко от нынешнего Рыбинска, где сейчас стоит ему памятник. Село расположено примерно посередине между городами Рыбинском и Тутаевым, некогда называвшемся Романово-Борисоглебском. В Тутаеве Фёдору Ушакову не так давно – в 2006 году – был установлен памятник (бюст), а центральная улица левого берега, идущая по всему городу вдоль Волги, переименована в улицу Ушакова. Также в Тутаеве на улице Луначарского открыт музей Фёдора Ушакова и Русского флота. Причина всего этого в том, что место рождения будущего адмирала – село Бурнаково – в XVIII веке входило в состав как раз Романовского уезда (правда

сейчас оно относится к Рыбинскому району, а не Тутаевскому). Кстати, можно обнаружить гримасу судьбы в том, что памятник в Тутаеве был установлен на площади, на которую выходит улица Панина. Но улица эта названа совсем не в честь генерал-аншефа Петра Панина, который командовал 2-ой армией в 1769-1771 годах во время русско-турецкой войны, где Ушаков также принимал участие в чине лейтенанта Азовской флотилии. Этот Панин – комиссар, руководивший установлением Советской власти и подавлением восстания белогвардейцев в Ярославле, при котором погиб красноармеец Илья Тутаев, в честь которого по инициативе Панина и был переименован старинный Романов-Борисоглебск. И сам памятник Ушакову стоит на месте снесённого памятника этому комиссару.

Отец флотоводца Фёдор Игнатьевич Ушаков был коллежским регистратором, отставным сержантом лейб-гвардии Преображенского полка и имел ещё троих сыновей – Гаврила, Степана и Ивана, а также брата Ивана Игнатьевича. Этот дядя будущего адмирала стал в крещении его тёзкой и настоятелем Санаскарского монастыря в Мордовии (Фёдор Санаскарский), на территории которого Фёдор Ушаков, предположительно, и был впоследствии похоронен. Важно отметить, что сержант – это даже не унтер-офицерский чин, а потому Ушаков не имел наследного дворянства. Для человека «низкого» происхождения единственным способом сделать карьеру в те времена – было выбрать военную стезю. Вероятно, это тот самый случай, когда обстоятельства жизни и призвание счастливо совпали.

Биография Ушакова достаточно хорошо известна, про него написаны книги, сняты фильмы. Его путь от воспитанника Морского кадетского шляхетского корпуса в Петербурге до его назначения в 1798–1800 годах императором Павлом I командующим российскими военно-морскими силами в Средиземном море и создания им греческой *Республики Семи Островов* под протекторатом России и Турции, подробнейшим образом исследован. Тут мало что можно добавить. Гораздо интереснее попытаться оценить вклад Ушакова в морскую военную науку и практику.

На море равный Суворову

Ушаков перевернул все сложившиеся к тому времени представления о тактике ведения морского боя. Всемирно известный английский адмирал Нельсон, внимательно следил за действиями Ушакова, и стабильно повторял его тактические приемы в своих битвах. А заклятые враги турки с почтением называли его «*Ушак-паша*».

В этот период в парусных флотах Западной Европы господствовала линейная тактика. Основные её принципы были сформулированы в конце XVII века. Эти принципы в ряде флотов, и особенно во французском и английском были возведены в догму, а в Англии даже включены в официальные инструкции и уставы. Флотам предписывалось атаковать сразу всю линию противника, строго соблюдая равнение в строю, и вести огонь только по назначенному кораблю, не обращая внимания на действия остальных кораблей противника и своих кораблей, сражающихся рядом. В то же время кораблям категорически запрещалось выходить из строя баталии, а также вступать в сражение с противником, имеющим количественное превосходство в кораблях.

Но в русском флоте изначально сложилась иная обстановка, чем в традиционных морских державах! Молодой русский флот явно проигрывал врагам в материально-техническом оснащении, русские флотоводцы вынужденно компенсировали это тактикой, маневром и традиционным для русских мужеством. Пётр I говорил, что при пользовании уставами «*не держаться правил, яко слепой стены, ибо там порядки писаны, а времён и случаев нет*». Именно таковы, например, были Гангутская победа самого Петра I, уничтожение русскими галерами под командой Голицына шведских парусных кораблей под Гренгамом, тактика выдающегося русского адмирала Григория

Спиридова, одержавшего победу в Чесменском сражении. Но если при Гангуте и Гренгаме основой тактики был абордаж (галеры против парусных кораблей), а при Чесме – атака противника, стоявшего на якоре, то Ушаков обогатил тактику широким применением манёвра в морском сражении. Тут следует учитывать, что и при Ушакове русские корабли все ещё серьёзно уступали турецким, которые строили в основном французы. Большое преимущество в скорости туркам давали медная обшивка подводной части и более легкие паруса. Первый 74-пушечный линейный корабль «*Правый*», обшитый медью, для черноморского флота построили в Херсоне только в 1805 году.

Однако Ушаков побеждал, как и Суворов, *«не числом, а умением»*. Он первым в истории флота применил маневренную тактику, носившую наступательный характер, раз за разом смело атакуя превосходящие в разы силы противника. Стратегия и тактика Ушакова были подчинены одной цели – уничтожению противника. Как и Суворов, Ушаков всегда искал решительного сражения. Причём приёмы тактики Ушакова были полнее и богаче приёмов западноевропейских адмиралов. Тактика Ушакова не исключала линию, как один из элементов боевого порядка, но линия у него не являлась единственной формой построения, она была всецело подчинена манёвру. Ушаков сочетал линейный порядок с маневрированием и перестроением в другие боевые порядки и показывал образцы наступательной тактики парусного флота – охват фланга, расчленение строя противника. Он применял принципы внезапности, правильного выбора направления главного удара и сосредоточения на нём превосходства в силах, выделения и умелого использования резерва, своевременного внесения корректировки в план сражения в соответствии с меняющейся обстановкой, создания огневого превосходства и учёта морального фактора, преследование противника до полного его разгрома. Каждое сражение, проведённое Ушаковым, содержало новые тактические приёмы, отвечавшие конкретной обстановке и условиям боевых действий. При всём этом ему был чужд авантюризм, он никогда не пренебрегал осторожностью.

Ушаков активно использовал артиллерию – силу русского огня не выдерживал ни один турецкий корабль. Постоянное изучение как пушечной, так и ружейной стрельбы позволило довести до совершенства использование оружия. В ходе боевой подготовки отрабатывалась точность стрельбы, за счёт выучки комендоров повышалась скорострельность орудий. Он приказывал вести сражения на малых дистанциях, сосредоточив огонь на флагманском корабле противника, а также маневрировать таким образом, чтобы выполнить продольный залп.

Действовал успешно Ушаков не только в морских баталиях, за что звался *«на море равный Суворову»*. Он показал образцы организации взаимодействия армии и флота при овладении Ионическими островами и особенно при овладении занятой французами неприступной морской крепости на острове Корфу (Греция), при освобождении от французов Италии, во время блокады Анконы и Генуи. Он высадил морской десант в Италии, который двигаясь маршем, освободил от французской власти Неаполь и Рим. Интересно, что в этой кампании Ушаков имел разногласия с британским адмиралом Нельсоном относительно блокады (предложение Нельсона) или штурма (предложение Ушакова) острова Мальты. Как выяснилось позже, главному адмиралу *«владычицы морей»* Великобритании Нельсону было чему поучиться у выходца из Ярославской глубинки Ушакова. В 1799 году за взятие нескольких итальянских городов, включая Неаполь и Рим, Ушаков был произведён в адмиралы

Но не только полководческий гений роднил Ушакова с Суворовым, но и гуманное отношение к матросу и продуманная система воспитания личного состава эскадр. Ушаков главным фактором своих побед считал, прежде всего, стойкость и мужество матросов эскадры, высоко ценил моральные качества русских воинов. Сам Ушаков неустанно заботился о команде и часто в период перебоев снабжения эскадры тратил на питание и нужды команды свои личные средства.

Праведник

С восшествием на престол Александра I интерес к флоту понемногу исчез. Заслуги Ушакова не были оценены новым императором, который назначил основоположника тактики морского манёвра на второстепенную должность главного командира Балтийского гребного флота и начальником флотских команд в Санкт-Петербурге. Ушаков, проведший 45 лет на палубе корабля, переживал за судьбу русского флота, но будучи не в состоянии ничего сделать, в декабре 1806 года подал прошение об отставке, ссылаясь на *«телесную и душевную болезнь»*, и 17 января 1807 г. Александр I подписал указ об увольнении Ушакова со службы: *«...Балтийского флота адмирал Ушаков по прошению за болезнью увольняется от службы с ношением мундира и с полным жалованием»*.

До 1809 года Ушаков оставался в Санкт-Петербурге, опекая племянников – воспитанников Морского корпуса. Но в 1809 году при посадке на вельбот упал за борт и утонул старший из них – Иван. Ушаков тяжело пережил эту потерю, отписал в завещании всё своё имущество племянникам, оставив себе только имение Алексеевка в Тамбовской губернии (сейчас находящуюся на территории Мордовии), куда вскоре навсегда и уехал. Недалеко от поместья располагался Санаксарский монастырь, настоятелем которого когда-то был его родной дядя Иван Игнатьевич – отец Фёдор. Именно при этом монастыре провёл последние 8 лет жизни прославленный адмирал, и именно там по официальной версии и похоронен. Все эти годы Ушаков вел затворнический образ жизни, посвящая большую часть времени молитве. Даже во время Отечественной войны 1812 года, когда Ушаков был избран начальником ополчения Тамбовской губернии, он из-за болезни отказался от должности.

Что же касается смерти флотоводца, то тут не всё до конца ясно. Дело в том, что существует обоснованная теория, что в Санаксарском монастыре похоронен не адмирал Фёдор Ушаков, а его полный тезка и друг, простой матрос, служивший у адмирала на одном из кораблей и бывший послушником монастыря. Это подтверждается тем, что реконструкция лица Ушакова, сделанная Герасимовым по черепу, сильно отличается от прижизненных изображений адмирала. А, кроме того, анализ останков при эксгумации в 1944 году показал наличие сильной деформации костей бедра от ранения, что должно было привести к сильной хромоте, о которой никто из современников не упоминал. Сторонники этой версии говорят, что адмирал был похоронен в деревне Щетинка Курской области в 1841 году в возрасте 96 лет.

Так это или не так – вряд ли это играет существенную роль в почитании заслуг великого русского флотоводца, ставшего первым моряком и адмиралом, причисленным к лику Святых. В 2001 году Фёдор Фёдорович Ушаков Русской православной церковью был канонизирован как Праведный воин. В Деянии о канонизации праведного Феодора Ушакова, местночтимого святого Саранской епархии от 2001 года, говорится: *«В народе Божиим всегда благодарно почитался подвиг воина – мужественного и храброго защитника Отечества. Но наипаче был дорог народу тот, кто послужил Отечеству не только воинской доблестью, но и явил собою пример непоколебимой Православной веры, истинного патриотизма, мудрости и милосердия. Таковых сынов России память народная окружила особенной любовью, а Господь через Святую Свою Церковь прославлял их. Такими, например, стали для нас святые благоверные великие князья Александр Невский и Димитрий Донской. Под влиянием западного вольномыслия оскудел в России дух ревности христианской, и как непросто оказалось человеку, проходившему ту или иную службу государственную, сохранить и преумножить Евангельские добродетели, которые одни только способствуют к исполнению Христовых заповедей и ведут человека ко спасению. Одним из таких ревностных служителей Отечества и народу Божию, явившим собою великий пример воинской доблести и христианского благочестия, был адмирал Российского флота Феодор Ушаков»*. А в 2004 году Фёдор Ушаков был канонизирован уже как общецерковный Святой в лике Праведника.

В период Советской власти долгое время не принято было говорить и писать о затворнической

христианской жизни флотоводца, а потому вспомнили о нём только во время Великой Отечественной войны, учредив орден двух степеней, как высшую морскую воинскую награду, и медаль. Введены эти награды и в систему наград современной России: медаль в 1994 году, а орден – в 2010 году. Уже после причисления к лику Святых Фёдор Ушаков стал почитаться как Святой небесный покровитель российского военно-морского флота (с 2001 года) и стратегических военно-воздушных сил (с 2005 года).

Вряд ли ещё требуются какие-то добавления к сказанному. Фёдор Фёдорович Ушаков, уроженец русской лесной глубинки, проявивший себя как непобедимый флотоводец и утвердивший Россию в Средиземноморье, невероятно важен для всех нас и для утверждения русского мироощущения «Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России» – этот его призыв дорог и сегодня каждому, кто неравнодушен к судьбе Отечества.

Деревянченко Виктор Анатольевич – (П. Карлофф) – родился в 1956 году на Донбассе. Служил в пограничных войсках (Кавказ, Заполярье, Курилы, Камчатка, Средняя Азия, Памир). Горячие точки в Таджикистане и Афганистан привели к литературному творчеству. Активный участник литературных конкурсов. Публикации в литературных журналах, альманахах. Участвовал в издательской программе Калининградской области.

Живёт в г. Светлогорск Калининградской области.

Кладбище паровозов

«Капитан в своём роде изобретатель и творец правильных решений в трудных условиях...»

К.С. Бадигин «С паровозами через Тихий океан» (записки капитана)

Океанская зыбь была беспощаднее шторма.

Она издевалась над судном. При ясной видимости и безоблачном небе волны вздымали корабль к небесам и бросали его в пучину. «Клара Цеткин» устремлялась носом вниз, обнажая крутящийся гребной винт над гребнем волны, падала в пропасть, зарывалась в волну, рассекая её надвое, разбивая на брызги и водяную пыль.

Чёрному Бизону досталось больше всех. Он окунался в океан по самую паровозную трубу и, как живой, старался задержать дыхание, затем делал шумный выдох, когда волна сваливалась с него на палубу и катилась дальше – к рубке теплохода.

– Не отпускай меня, мореходная машина, я боюсь утонуть, – заклинал Чёрный Бизон.

– Держись, герой, рождённый под знаком Тельца, держись в моих объятьях, – отвечало ему судно – паровозовоз.

На четырнадцатый день путешествия в полдень караван пересёк 180-й меридиан – международную линию перемены дат, таким образом, из 30 мая суда незаметно для себя шагнули в 31 мая 1944 года, и были в западном полушарии.

В каюту капитана Бадигина вошёл Юрий Москаль.

– Константин Сергеевич, у Вас есть соображения о том, почему к нашему теплоходу такое внимание американского военного флота и авиации? Как-то это мало похоже на охрану и заботу о целостности груза.

– Юрий Николаевич, а может быть, Вы мне это лучше объясните. Откройте ваши карты.

– Я не уполномочен вести с Вами разговор на эту тему, могу единственно сказать, что они не уймутся и, по всей видимости, намерены идти до конца.

– Так какие они преследуют цели? Почему они так поступают?

– Вернее всего, это связано с грузом, перевозимым на судне. Это всё. Будьте предельно осмотрительны у японских берегов, это подходящее место для провокации, чтобы свалить вину на японцев.

А в это время...

Шифровка. Юлий – Центру: «Предлагаю Карла и часть кораллов Клары отправить авиацией из бухты Русская в Петропавловск».

Донесение означало, что часть пробы грунта из Невады следует обезопасить от возможной гибели в море и доставить самолётом сначала в Петропавловск, затем во Владивосток. Таким образом, закладка может быть доставлена раньше прибытия теплохода.

Шифровка. Командующий воздушными силами США в Тихом океане – командующему подводными силами США в Тихом океане: «Потопление теплохода «Клара Цеткин» в указанных координатах не подтверждаю. По данным авиаразведки «Одесса» с видимыми повреждениями и «Клара Цеткин» направляются к берегам Камчатки. Действовать в отношении каравана силами авиации не представилось возможным».

Бухта Ахомтен

Полуостров Камчатка контурами берегов похож на рыбу, прикрепленную хвостом к Чукотке и головой указывающую на Курильские острова. С запада полуостров омывается Охотским морем, с востока Беринговым морем и Тихим океаном. Южная оконечность полуострова – мыс Лопатка. Берега Камчатки изрезаны бухтами, заливами, выступающими мысами.

Под защитой Камчатки караван прошёл спокойно и безопасно.

Штурман определился по мысам Камчатский и Африка, и суда легли курсом в бухту Ахомтен. Такое ительменское наименование она имела до 1952 года, когда была переименована в бухту Русская. Мореходы с давних пор использовали бухту как место временного отстоя судов во время неблагоприятных для плавания условий. Также суда здесь пополняли запасы пресной воды. Первым в бухту самостоятельно, отказавшись от помощи буксира, вошёл пароход «Одесса», за ним – теплоход «Клара Цеткин».

– К проходу узкости судно приготовить! Так держать – капитан Бадин внимательно следит за курсом на компасе и действиями рулевого.

Крутые обрывистые к воде склоны сопки встречают теплоход с обеих сторон. Да, эти обветренные ветрами скалы можно было сравнивать с заглубившимися скулами капитана, его мужественным монументальным лицом, строгим взглядом, выправкой, и твёрдостью характера, который проявлялся в противостоянии испытаниям, подготовленным для него природой и судьбой.

Чёрный Бизон впервые за долгое время так близко увидел и почувствовал земную твердь. Здесь располагался военно-лоцманский пост, задачей которого была проводка судов через минные заграждения в Петропавловск-Камчатский и обратно. Бросили якорь на рейде. «Одесса» представляла тягостное зрелище. Пробоина была в 5-м трюме. Взрывом вырвало все брезенты, трюм был распахнут, прибойная волна выносит лёгкий груз.

Константин Сергеевич рассматривал пострадавшее судно и думал о том, что ему сильно повезло. Везенье его заключалось в принятии правильных решений в трудных боевых условиях и решительных быстрых действиях экипажа теплохода. Капитан Бадигин не стал носить спасательный жилет днём и ночью. Он готов быть с экипажем до конца, чтобы разделить его судьбу.

К борту теплохода на небольшом катерке причалил начальник 3-го военно-лоцманского поста Михаил Васильевич Стукалин.

– Рад приветствовать Вас, Константин Сергеевич, в нашем тихом медвежьем углу. Я получил радио – завтра на рассвете из Петропавловска за вашим больным пассажиром прилетит гидросамолёт. Быть может, мы сейчас ему чем-нибудь сможем помочь? – в голосе лоцмана чувствовалась искренняя озабоченность.

– Спасибо за заботу, Михаил Васильевич, мы дождёмся самолёта, у него инфекционная болезнь, следует поостеречься, чтобы не заболеть, и никого больше с ним не отправлять – и капитан взглянул на Юрия Москаля, который одобрительно кивнул, прикрыв глаза.

Капитан отдал старшему помощнику Петру Николаевичу Василевскому необходимые распоряжения и спустился в лоцманский катер.

Ночь. Штиль. Вода как зеркало. Чёрный Бизон чутко дремлет в объятьях теплохода.

В бухте Ахомтен было цветение морских светлячков и водорослей. Они светились, фосфоресцировали в тёмной воде как звёзды. Поверхность бухты покрылась синими искрами и вспышками. Тёмная морская вода стала подобна неведомому звёздному небу, оброненному к бортам лодки. Мириады звёзд, сотни созвездий плавали под водой. Они то погружались, потухая, то разгорались, всплывая на поверхность воды.

Позади, словно в дымке, виден подсвеченный лучами керосиновой лампы оконный крест лоцманского дома. Лодка раздвигает яркие огоньки на воде, а над головой плывут блистающие звёзды и Луна, словно начищенная добросовестным матросом судовая рында. Возникло чувство, что капитан плывёт по Вселенной, а лодочник Витька – его проводник между мирами.

На борту теплохода у трапа в ожидании капитана стоят Москаль и Карлов.

– Юрий Николаевич! Глядите – потрясающая картина! – воскликнул Павел, – лишь однажды подобные ощущения я испытывал дома на озере. До войны. Август – время звездопада. Через озеро низкие мостки. Ни ветерка, ни волны. Совершенный штиль, воздух недвижим, вода замерла, как литое зеркало. Звёзды над головой и под ногами. И начинается звездопад. Врываясь в земную атмосферу, метеоры ярко вспыхивают. Красота этого астрономического явления поражает воображение, можно загадывать желания непрерывно!

– Ну, ты астроном и романтик, лейтенант! – удивлённый живописным рассказом Павла, майор улыбнулся в темноте.

– Это ещё не всё, товарищ майор госбезопасности, – оглянувшись через плечо на палубу, не услышал ли кто, продолжил Карлов. – Самое интересное в озере. Яркие метеоры с горящими шлейфами падают с неба и тут же, отражаясь в воде, вылетают из озера как праздничный салют. Ощущение – я человек Вселенной, я в космосе, рядом любимая, мы в центре мира, мир вокруг нас!

– Размечтался! До мира ещё дожить нужно, салюты после победы смотреть будем! Ты закладку когда проверял? – с напускной строгостью Москаль прекратил юношеские воспоминания

лейтенанта.

В тиши рассветных сумерек стал слышен звук, подобный писку назойливого комара. Вахтенный сигнальщик насторожился – звук находился над морем и стремительно приближался.

– Воздух! – выдохнул матрос, и громче доложил: «Наблюдаю самолёт над морем, пеленг 45, удаление 40 кабельтовых!»

Этого доклада с нетерпением ждала вахтенная служба, капитан и пассажиры теплохода, один из которых был якобы болен ужасной заразной болезнью.

Гидроплан американского производства «Каталина» PBN-1 плюхнулся в штилевую воду бухты и стал приближаться к теплоходу, от которого уже отошла шлюпка. В ней с болезненной гримасой на лице сидел Павел Карлов. Вскоре пассажир пересел в самолёт и тот был таков!

У капитана Бадигина больше не было ни причин, ни желания оставаться в этой гостеприимной бухте.

– Судно к походу и бою приготовить! С якоря сниматься!

Команды исполнялись экипажем точно и сноровисто.

– Курс 45! К проходу узкости судно приготовить! Так держать! – позади теплохода образовался кипенный клокочущий бурун, и судно медленно двинулось на выход из бухты.

А навстречу теплоходу вставала солнце сегодняшнего дня.

Восход в бухте Ахомтен в этот раз был уникальным – единственный раз в году солнце, поднимаясь из-за горизонта, увеличивалось и своими краями прикасалось к береговым скалам, точно старалось преградить кораблям выход в океан. Изумительное зрелище!

В Охотском море

Из бухты Ахомтен при хорошей видимости спустились к мысу Лопатка – южному краю Камчатки.

Первый Курильский пролив отделяет юг Камчатки от Курильских островов, находившихся под властью японцев. Япония своими кораблями задерживает и досматривает суда, идущие под советским флагом.

Капитан Бадигин решил «с ходу» входить в пролив, опираясь на счисления, предварительно полученные при хорошей видимости.

Как это нередко случается, при подходе к Первому Курильскому проливу погода изменилась. Из Охотского моря через пролив надвигался туман – давний недруг мореплавателей. Нет ничего хуже в море, чем туман. Паршивее, наверное, только шторм во мгле. Моряки разглядели его издалека – громадная молочного цвета завеса, возникшая из воды и стремящаяся пристегнуться к облакам, приближалась к нам и пыталась охватить со всех сторон. Судну никак не уклониться от этих объятий, приходится нырять в эту неизвестность, надеясь на радиопеленгатор, слух вперёдсмотрящих, опыт штурмана и личную капитанскую удачу.

При прохождении пролива капитан определил задачи:

– Старшему помощнику на мостике вглядываться в туман и прислушиваться к морю – не слышны ли прибрежные буруны, вахтенному помощнику у эхолота делать промеры глубины и отмечать показания лота, старшему радисту определять пеленги по радиомаяку. Для обеспечения безопасности и предотвращения столкновения с возможными встречными кораблями включить судовые сирены.

Таким образом, судно также обнаруживает себя и подставляется под торпеды.

Охотское море в этот раз было на редкость спокойным. Каждый час теплоход проходит двенадцать миль. Всем хороши дизельные теплоходы, а вот сигналов встречного судна не услышишь – в отличие от пароходов, не в меру громко работает двигатель.

Чёрный Бизон не впервые очутился в тумане. Ему тоже хотелось своим громким паровозным гудком подавать сигналы, чтобы помочь теплоходу без столкновений преодолеть этот мутный сырой воздух.

Туман сужает жизненное пространство до предела: руку протяни – не увидишь. С туманом приходят души моряков, усопших без покаяния – они бродят вокруг и тревожат живых – сон не идёт, сколько ни ворочайся с боку на бок. С ним приходят мрачные мысли – а вдруг и вправду весь мир исчез, и за мглой ничего нет из того, что было?

Изобретатель и творец правильных решений

Константин Бадигин вспомнил, как при расставании начальник пароходства наставлял его:

– Константин, будь осторожен. Не суйся в проливы в туман!

Прав, конечно, прав, был Василий Фёдорович Федотов.

Рейс идёт к завершению, дорог каждый час. Но всё-таки жизнь экипажа и теплоход дороже – так думал капитан Бадигин, рассчитывая в тумане следующий ход перед проливом, названным в честь французского мореплавателя Жана Франсуа де Лаперуза, открывшего этот пролив в августе 1787 года. В проливе находится остров Камень Опасности – скала в семи с половиной милях к юго-востоку от сахалинского мыса Крильон.

Оснований для колебаний и сомнений в выборе того или иного решения у капитана Бадигина было предостаточно.

– Ждать у моря погоды, беречь людей, корабль и грузы – сдерживали его разум, совесть и ответственность.

– Рискни, ведь ты же герой, ты же опытный, не в таких переделках бывал, надо ввязаться в бой, а там посмотрим! – шептали ему в оба уха его собственное честолюбие, самонадеянность, и сидевшее в нём упрямство, – принимать решение только тебе и никому другому.

Константин Бадигин поднялся, как айсберг застыл перед столом, прижал линейку к карте и красным карандашом решительно начертил курс вдоль острова Хоккайдо и обозначил место поворота в Японское море.

Капитан повёл своё судно на заклятие морским богам. Но не на «авось», а руководствуясь своей интуицией, которая его не подводила.

– Вахтенному помощнику показания лага считать каждую минуту, поворот в Японское море через двенадцать миль. Старшему помощнику выставить на оба борта наблюдателей – слушать сивучей и прибрежные буруны.

Туман. «Клара Цеткин», подавая сигналы, настойчиво идёт вперёд по курсу, проложенному капитаном, судно тоже делает своё дело, которое кроме него никто не сделает. Капитан присел на диванчик, согревшись, задремал. Но голова капитана продолжала трудиться, слушать щелчки лага и специфический звук репитера – повторителя информации о курсе, поступающего с гирокомпаса.

– На лаге восемьдесят три и пять десятых. Константин Сергеевич, – спросил вахтенный штурман, – разрешите поворачивать?

– Держать курс, не поворачивать. Пройдём ещё милю, – скомандовал капитан. – Когда будет на лаге восемьдесят четыре и пять десятых, поворачивайте.

Капитан вдруг испытал облегчение, будто гора свалилась с плеч.

Прибытие во Владивосток

6 июня в Японском море по радио услышали новость об открытии Второго фронта – союзники высадили многочисленный десант в Нормандии. Ликованию экипажа не было предела.

И вот, наконец-то, 7 июня – день прибытия в родную гавань!

На мостике руководит лоцман, прямо по носу у воинской пристани стоят на якорях несколько боевых кораблей.

Капитана пронизывает озноб – он чувствует, что пора стопорить ход, тяжелогружёное судно с большой инерцией буквально рядом с эсминцами. Капитан Бадигин рвёт ручку телеграфа.

– Стоп машина! Полный назад!

Вахтенный механик Михаил Недотёсов в машине по интонации голоса капитана и существу поданных команд мгновенно сообразил, что дело грозит столкновением и даёт дизелю назад самые большие обороты.

Миноносцы приближаются, вырастают на глазах.

Капитан про себя, как мольбу, повторяет: «Миленький, остановись, миленький, не подведи, родименький, отблагодарю...». Он нежно гладит поручень мостика и тут же обещает теплоходу, что даст приказ подкрасить мачты и кран-балки, чтобы судно красивее было. Неужели не отработает машина?

Втормех Недотёсов внизу с замиранием сердца слушает машину, ощущает уменьшение скорости и тоже заклинает: «Клара, родимая, остановись, такой хороший день. Не огорчай!..» Машинист ладошкой крепко приложился к корпусу двигателя: «Покрашу, ей богу, покрашу серебрянкой».

Чёрному Бизону кажется, что орудия на русских миноносцах сейчас же выстрелят в него и пробьют дыру в паровом котле – так безостановочно, стремительно и угрожающе они приближаются. Он налегает на тормоза, сыплет песок на рельсы, чтобы избежать столкновения с красной звездой на борту боевого корабля, и приговаривает: «Моя морская подруга, послушай доброго совета – надо сделать остановку у этого вокзала, я выхожу!»

– Мой юный друг, рождённый под знаком Тельца, не сыпь мне песок на палубу, а мы сделаем вот так! – услышал Чёрный Бизон обращённые к нему слова.

Машина отработала на ноль, теплоход остановился и, лихо развернувшись вправо, встал у причала. Швартовая команда сработала как никогда быстро – любые качания судна были устранены моментом.

Пронесло.

Капитан с лоцманом, не говоря ни слова, взглянули друг другу в глаза, выдохнули. Мысли у них одни и те же.

Повезло.

Всем. Абсолютно всем сегодня чрезвычайно повезло.

На причале толпятся люди, военный оркестр играет марши.

С борта теплохода Юрий Москаль среди толпы высматривает Карлова. А вот и он. Успел-таки на самолёте. Рядом с ним какой-то чин в очках, шляпе и кожаном пальто.

Начался митинг. Отзвучали гимны союзников. Выступает консул США.

Москаль сошёл на причал и не спеша вкруговую зашёл Карлову за спину.

– Задание выполнил? Успел?

– Да, выполнил. Только анализ пробы показал отсутствие присутствия.

– Что? Это как?

– Нет там ничего интересного, простой песок, никакой радиации.

– В нашем деле отсутствие результата – тоже результат.

– Это так, только приказано весь песок с этого паровоза с предосторожностями собрать, упаковать и отправить по назначению для проверки. Даже людей в спецобмундировании выделили.

– Ну, что же, приступай к работе. Митинг заканчивается.

Павел Карлов, в сопровождении важного очкарика и двух солдат с противогазами, поднялся на борт теплохода и направился к знакомому паровозу с силуэтом чёрного бизона на кабине машиниста. Тормозной песок с него выгрузили до последней песчинки.

Государственное задание, порученное капитану Бадигину и экипажу «Клары Цеткин», было выполнено.

Паровозы у капитана Бадигина принимал генерал-железнодорожник, неустанно повторявший:

– Для нас твои паровозы, Константин Сергеевич, дороже хлеба. Вот завершим войну и присвоим тебе звание «Почётного железнодорожника».

Каждый паровоз, выгруженный с теплохода и поставленный на рельсы, через два часа оживал и мог самостоятельно двигаться на запад.

Чёрный Бизон встал на незнакомый ему путь. Он был готов к новым приключениям и путешествиям по этой огромной стране, которую американцы называют Россией.

Хохряков Евгений Михайлович – родился в 1953 году в пос. Согдиондон в Иркутской области. Окончил речное училище в Усть-Куте. Ходил по северным рекам. Окончил филфак Иркутского госуниверситета. Работал на ТВ, будучи корреспондентом – объездил всю Иркутскую область. Известный детский писатель. Лауреат престижных литературных премий. Живёт в Иркутске.

Штормовое предупреждение

В порт Тикси мы прибыли на двое суток раньше планированного: по ходу рейса не было задержек. В Якутске мы быстро разгрузили контейнеры, и тут же загрузили поддоны с кирпичом на Тикси: порт строился.

Поставили нас под разгрузку.

Надо сказать, что я был здесь первый раз. И был поражён размерами причальной стенки – наш клотик на мачте был на уровне пирса.

Работа закипела. А кэп зарядил меня – третьего помощника, и моего рулевого Саню, который на теплоходе был каптёром, сгонять на дебаркадер, и набрать продуктов на обратный рейс.

Мы спустили катерок на воду и помчались с радостью на берег. Полторы недели торчали на борту. Соскучились по настоящим людям.

Море было прекрасным, как поле овса в июне – зелёное волнистое полотно, в конце которого висела красная пуговица будто заходящего солнца. Но оно летом в Заполярье не заходило никогда.

Обогнув пирс, который острым клином выходил из бухты, наш катер влетел в просторную гавань. Она была лесной биржей. Здесь проходила разборка плотов, что во множестве гнали из Лены. И часть брёвен плавала самостоятельно, то погружаясь, то выныривая в самых неожиданных местах. Морским судам было фиолетово, если какой балан ударится в борт. Но нашему «Прогрессу» удар мог быть смертельным!

– Зырь по курсу! – проорал мне Саня. Он сидел за рулём мотора, а я на передней банке развалился.
– Не дай Бог налетим! Кирдык нам будет.

Кирдык был бы полным точно. Мы ж речники? Нам река мать родная. На ней не страшно и перевернуться. Берега рядом, доплывешь. Вода пресная, от жажды на мели не умрёшь. А посудин разных на фарватере как машин на проспекте.

Не то в море. Здесь любая ошибка чревата. А у нас ни спасательных жилетов, ни воды, ни сухпайка! А на нас телогрейки, ватные штаны и сапоги. И за бортом вода как из холодильника. Так что булькнешь за борт и как кувалда на дно ...

Но такие мысли я гонял чуть позже, после того, как продукты получили. А пока надо головой сияло небо. Волна подкатывала под нас подобно водяному матрацу – волокуче и мягко. Катерок наш, как уточка, переваливался с одного серо-зелёного бархана на другой бархан, и жизнь была хороша и бесконечна.

На дебаркадере мы проторчали больше часа. Сначала не было продавца. Потом долго искали пару мешков, чтобы покупки сложить – Саня не додумался на борту взять с собой тару. И получилось, что нам мешки дали только для того, чтобы продукты мы могли дотащить до катера и обязательно их вернули. Жмоты! У нас на Лене таких бы давно с позором выгнали с работы. Хотя, с другой стороны, на всех не напасёшься мешков. Со всего мира корабли стоят. Мы пока мимо шли, насмотрелись на гигантов. Рядом с их бортами мы выглядели как игрушечные кораблики у сына нашего кэпа. Даже стыдно стало, что мы, вроде, как тоже моряки.

– Реряки мы! – ляпнул рулевой мой, когда я ему об этом сказал. – Какие мы моряки?!

Обидно стало.

Чтобы снять обиду, мы умудрились прикупить несколько бутылок спирта. У нас на материке он давно стал дефицитом. А тут море разливанное. Да дешёвое. Хотел больше взять, но в долг не дали, а денег было в обрез. У нас же в навигацию наличных с собой почти не бывает. Обычное дело – подходим к плавучему магазину. Берём заборную свою книжку и покупаем всё, что нужно, под запись. Потом уже в конторе с нас эти суммы списывают автоматом. Я так себе магнитофон и туфли купил. Обманчиво это. Когда деньги из руки в руки отдаёшь, то невольно их считаешь. А в плавмаге получается как при коммунизме – взял товар, продавец тебе в книжки сумму прописью, и вперёд, иди к себе. Не остаётся ощущения, что ты приличную сумму отдал за не совсем тебе нужную вещь...

Саня уже отвязывал от кнехта катерок, когда к нам подошёл какой-то волосатый дядя.

– Алё, моряки! – буркнул хмуро он. – Далёко собрались?

На вид мужик походил на обычного портового бича: лохматый голландский свитер. Когда-то синие штаны. Потрёпанная шляпа. Беломорина в углу рта. И недельная щетина. Поэтому и реакция у Сани была соответствующей:

– Отвали, кореш! Спешим!

– Ну-ну, спешите, давайте! – проскрипел как якорная цепь в клюзе, мужик. – На том свете вам давно, видать, ждут.

– А в чём дело? – заинтересовался я, махнув Сане рукой, чтобы не вмешивался. – Откуда такие знания «того света»?

– Я так понимаю, ты, наверное, тут штурманёнок? – усмехнулся бич. – Судя по фуражечке.

Фуражка у меня была классная. С коротким козырьком, с кокардой шикарной. Чистое сукно. Настоящая командирская фуражка. И носил я её первую свою самостоятельную навигацию в должности третьего штурмана, помощника капитана. И, отправляясь впервые в настоящий морской порт, я, конечно, надел её. Не скрою, под телогрейкой был и настоящий мундир штурмана со всеми нашивками и шевронами, значками. Но слишком холодно в Заполярье даже в июне, чтобы форсить в форме.

– А ни в чём, – раздался скрип от фальшборта. – Просто не суйтесь на этой своей пироге в бухту. Целее будете.

– Ну, это ты бабушке своей расскажи, – усмехнулся Саня. – На бутылку у нас всё равно не выпросишь.

– Хамишь, пацан? – невозмутимость у бича была как у скал Быкова мыса, что прикрывали Тикси с юга. – Вы вон ту мачту не видели?

И он махнул рукой в сторону того берега, на котором виднелись корпуса портовой администрации.

Там действительно торчала высокая мачта и на ней виднелись какие-то предметы.

– Молокососы! – буркнул на прощание бич. – Учить вас ещё. Штормовое дали ...

Сашка уставился на указанную мачту:

– Лёха! – позвал он меня. – Глянь! Там вроде как два чёрных шара висят?

– И что? – отмахнулся я. – Сидеть нам теперь?

– Ты дурак, да? – удивился рулевой. – Два таких шара говорят нам с тобой о том, что ожидается мощный шквал!

– Ты небо видишь? Море видишь? Какой шквал, когда полный штиль?! Отчаливаем! А то проторчим тут до вечера. Нам идти до пирса полчаса всего!

Саня даванул на газ, и наша катерок, задрав нос, помчался вновь по вполне себе спокойному морю. Небо было по-прежнему голубым. Ни одного облачка. И откуда взяться шквалу. Правда, правда...

– Ты тоже заметил?! – прокричал мне с кормы рулевой.

– Чего заметил? – не понял я.

– Бухта пустая! Никаких ботов, шлюпок и буксиров.

Я крутанул головой, оглядывая всю бухту. И правда – она была пустая. Лишь брёвна стали всплывать чаще и выше, как клёцки в супе да чайки уселись на волну.

Честно говоря, по спине пробежали мурашки. Память услужливо подсказала, что ничего страшного – на появившейся волне нет барашков, значит, нам опасность не угрожает. Барашки белые появляются при силе ветра более четырёх баллов. Наш катерок как раз имел мореходность такую. Так что дотопаем до своих.

Мы уже были почти на середине бухты, когда внезапно небо потемнело, и с него повалил... снег! Мы и не заметили, как небо заволочло тучами.

Первый порыв ветра, что шёл не сверху, а дул почти на самой водой, чуть не перевернул катер. Я схватился за планшир, чтобы не вывалиться в воду. И тут же увидел, что на верхушках волн не только появились барашки, но их уже срывало с гребня! А это ох как больше чем четыре бала!

– Лёха, держись! – донеслось с кормы. – Началось, мать твою! Ой, мамочки! – запричитал Саня. – Чего делать-то?!

– Дави на газ! – скомандовал я для того, чтобы только не молчать. Молчание сейчас хуже смерти. Это паника! А она разъедает человека быстро, как серная кислота жестяную банку.

И мы поскакали с волны на волну.

В одну минуту стало темно. Я словно ослеп. Выползшие из тундры незаметно для нас сизые тучи, сели прямо в воду. И казалось, что снег не сыплется откуда-то из них, а будто чья-то мощная и безжалостная рука выхватывает из них огромные пригоршни снега и бросает в море с невиданной силой.

Мгновенно мы были засыпаны сухим снегом. Он был везде – за шиворотом, в рукавах, в катере. Мотор его завывал, погружаясь до самого транца в воду, а потом начинал визжать, крутя в воздух винт. Мы не плыли – мы летели с гребня на гребень.

– Вы... ррр... вай! – донёсся с кормы голос рулевого.

Я понял, что надо вычерпывать воду. Её было критически много. Всё, что мы купили, уже плавало

почти на уровне планширя. И смысла что-то черпать не было никакого. Но ждать просто так, сидя как кукла, тоже было нелегко. Нужно было занять мозги чем-то. Делом каким. Даже бессмысленным.

Но вычерпывать было не чем. Видимо, ковшик, который всегда бесполезно валялся под передней банкой, смыло волной. И тут я вспомнил, что под банками должны лежать спасательные жилеты.

Рассадив большой палец о какой-то чёртов болт на днище, я не нашёл никакого жилета. И тут же память услужливо нарисовал картинку, как все три красные надувные распашонки мирно висят в фальштрубе теплохода. Сушатся!

– Саня! – заорал я в темноту. – Саня!

– Не ори! – почти над ухом раздался голос приятеля. – Тут я! Где жилеты?

Шуточки природы. То ветер ревел как дикий бык, то вдруг гробовая тишина. Когда ветер сменил направление, он бросил Сашкины слова прямо мне в лицо.

На секунду я увидел зелёную, перекошенную страхом и надеждой морду Сани. Именно морду! Лица не было. Кровью налитые глаза, провалившиеся почему-то щёки, замёрзшие в июне, ставшие дыбом, волосы на голове... Вурдалак, а не Саня. Тут же подумалось, что я и сам не в лучшем портретном виде, наверное, а голос помимо меня произнёс в уже снова исчезнувшее видение Сани:

– Нету жилетов, Сань! Тонем, твою дивизию!

– Ну, уж нафиг! – с очередным порывом донеслось с кормы.

И тут нам снизу, с днища, постучали!

Я аж подпрыгнул на банке! Мы совсем забыли, что бухта забита топляками! Они теперь плясали повсюду! И какая-то особь из их племени, постучалась к нам, словно приглашая к себе.

Не знаю, почему, но меня словно разрядом шарахнуло. Током. Я не собирался в расцвете сил и желания обниматься в ледяной воде с мокрыми брёвнами. И словно само собой в руки мне попало ведро, в которое мы насыпали сахар на дебаркадере.

Как бешеный я схватил его и стал вычерпывать воду. Мозг дал сигнал: «Не думай, что это напрасно! Ты сильнее, чем море!» И я махал, махал, махал ведро за ведром. Усталость не было. Была бешеность. Злоба. На мир. На море. На себя. На того бича с берега...

Пальцы, сбитые ударами о борт, уже перестали даже саднить. Мокрые телогрейка, брюки и тельняшка стали горячими от такого усердия. Но работа была впустую...

– Штурман! – раздался вдруг снова голос Саньки. – Тормози! Ты уже все продукты за борт запузырил!

Я поднял голову.

Вокруг было светло. Ветер снёс тучи в неизвестном направлении. Передо мной сидел и улыбался, как ни в чём не бывало, мой рулевой Санька. А впереди меня, почти рядом, был такой родной теперь пирс. Оставалось обогнуть его и найти свой теплоход...

– Вот поди теперь докажи, где мы с тобой купались! – хмыкнул Саня.

И действительно: по ту сторону пирса море было опять ровным как овсяное поле. Светило тёплое солнце. И было похоже, что шквал прицельно ударил в бухту и миновал пирс стороной.

– Сволочи! – сказал я.

– Кто?! – удивился Саня.

– Мы, кто же ещё! За одно место нас надо вешать.

– Это ты про жилеты? Так кто же знал, что такая заваруха случится? – засмеялся рулевой. Смех был нервным. Парень отходил от дикого страха, и смех был защитой от него.

– Кто знал, кто знал! – закричал я. – Мы в море, а не луже! Могли подохнуть, как раз плюнуть.

– Ну, чего ты трепыхаешься? – завёлся Саня. – Раньше надо было думать. Ты же у нас штурман, не я. Моё дело рулить, твоё – думать!

Я не стал возражать. Да и что ту скажешь – виноват по самые уши я.

Последние метры до борта родного теплохода мы вычерпывали воду из катера. Её было почти по самые бортики. По ней плавали пачки папирос, вспух мешок с макаронами, на дне угрюмо лежали банки с тушёной и консервированными персиками – любимым компотом капитана.

– Это вы где так воды начерпали? – Михалыч, наш капитан, свесился через леер крыла рубки. – Шлюпбалку им подайте – кто там есть на вахте?

Нам скинули стропы шлюпбалки и через пару минут мы были на борту родного теплохода. Честно говоря, у меня даже дикая мысль мелькнула – не поцеловать ли палубу? Но она тут же улетучилась, потому как на нас хлынул поток разных вопросов. Сбежалась вся команда. Им, действительно, из-за огромной причальной стенки не было видно, что за её скользкой стеной только что творился ад.

Самое поганое было то, что через пару часов нам приказали идти под погрузку лесом именно в ту бухту, где был дебаркадер. И где в ней не героически тонул мужественный и глупый штурман Алексей Красовский...

Рыбаков Константин Павлович – родился в 1961 году в Ленинграде. Жил в Клайпеде. Работал на Западном СРЗ, ходил в море (база Тралового флота). Заочно закончил БГА РПФ (КВИМУ). В море начал писать. Первая специальность – технолог по обработке металлов, вторая – судовой механик. Зимовал в Арктике. Поэт, писатель Бард. Член ТО «Пилигримы». Победитель Международного конкурса «45-й калибр» имени Георгия Яропольского и Международного Грушинского Интернет-конкурса. Живёт пгт. Сиверский Гатчинского р-на Ленинградской обл.,

работает в Санкт-Петербурге.

Под созвездием Удачи

Вообще-то Витюшка Понятовский родился в рубашке. Но то ли снимавшие мерку архангелы были сильно навеселе, то ли материалец попался лежалый, подгнивший – назвать его везунчиком язык никак не поворачивался. Каждой его удаче обязательно сопутствовал какой-нибудь локальный катаклизм, из которого любой другой, обычный человек, выбрался бы только в катафалке или, в лучшем случае, пожизненно оседлав инвалидную коляску.

С самого раннего детства Витюшка «запал» на морскую форму. Ещё когда его возили на прогулки в коляске, он вертел головой, как сова, лишь только на горизонте замаячат чёрные бушлаты. Поэтому, завидев в пятилетнем возрасте в витрине «Детского Мира» голландку с настоящим гюйсом и прилагающуюся к ней бескозырку с золотыми якорями и надписью «ГЕРОЙ» на ленте, Витюшка остолбенел. Его сманивали в отдел игрушек, предлагали заводные машинки, конструкторы и прочую крайне необходимую дребедень, но Витюшка, словно замороженный, вырывал ручки из цепких лап родителей и вновь возвращался к вожаденной витрине. Нет, он не капризничал, не устраивал истерик со слезами и соплями, но в глазах его плескалось столько отчаяния и горечи,

сколько не отыщешь и в познавшем тщетность бытия старце. Обещания непременно купить костюм ко дню рождения, а то и раньше – например, ко дню Военно-Морского Флота – успеха не имели, и родители Понятовские раскошелились. Витюшка облачился в форму тут же, у кассы, и умиленные продавщицы преподнесли ему адмиральский подарок: всамделишный, сверкающий золотом ножен и сталью клинка игрушечный кортик. Обняв родителей где-то в районе коленок, Витюшка блеснул влагой изумрудно-зелёных, цвета балтийской волны, глаз и сказал:

– Я обязательно вырасту и стану моряком!

После окончания второго класса Витюшку отправили на лето к бабушке в Шлиссельбург. Бабуля ковырялась неспешно в своём огороде, а Витюшка день-деньской пропадал на берегу Ладоги, возле судоремонтных мастерских. Перезнакомившись с чумазыми корпусниками и дизелистами, он по-свойски просачивался в цеха, бродил среди залежей огромных поршней и коленвалов, украдкой поглаживая проржавевшие якоря и обшарпанные, поросшие илом смычки якорных цепей. При этом он что-то прокручивал в своей головёнке, продумывал и просчитывал. К концу июля Витюша из мастерских исчез. «Что-то не видать нашего морехода, небось, в кругосвет отправился» – шутили работяги; а Витюшка, поднабравшись морской премудрости, в три дня сколотил плот, поставил парус из диванного покрывала, и ушёл открывать неизвестные острова. Подвёл его тяжёлый, не соответствующий хлипкой конструкции, якорь: от волны входившего в Неву пассажирского теплоходика якорь соскользнул с плота и булькнул на дно, перевернув «Титаник» метрах в трёхстах от берега. Витюшка, оглоушенный ударом мачты и нахлебавшись воды по клотик, мёртвой хваткой вцепился в останки своего ковчега; вытащили мальчика шлиссельбургские рыбаки, случайно наскочившие на плот. Весь август горе-капитана выхаживала местная больничка, персонал которой проникся глубочайшим уважением к стоически переносящему уколы пациенту.

После кораблекрушения Витюшка всерьёз задумался об умении плавать. Не барахтаться по-собачьи, как большинство сверстников, и не преодолевать дистанцию на время изящным кролем, а – быть своим в воде, как рыба. Разыскав где-то в дебрях городской библиотеки книжку о ловцах жемчуга, Витюша начал усиленно тренироваться в ванной по классической, дополненной своими разумениями, системе. Года через полтора огромная, несоизмеримая с худеньким детским телом, грудная клетка позволяла ему задерживать дыхание под водой почти на четыре минуты. Дабы как-то устранить диспропорцию, Витюшка записался в секцию вольной борьбы. К концу восьмилетки он стал чемпионом города, но на очередной тренировке порвал связки плеча и получил сотрясение мозга; в девятый его перевели без положенных экзаменов – Витюшка при всём желании не мог на них придти, а экзаменовывать чемпиона в больничной палате педагоги сочли непедagogичным.

Закончив школу с серебряной медалью, Витюшка Понятовский тут же поступил в Макаровку, на судомеханический факультет. Правда, без казуса и в этот раз не обошлось: острый приступ аппендицита уложил Витюшку в госпиталь, едва он успел надеть форму. И пока весь первый курс сидел на карантине в казарме, проходя «курс молодого бойца», будущего покорителя морей и океанов обхаживали ласковые руки молоденьких, весёлых и бойких на язычок медсестричек хирургического отделения.

После третьего курса начинающих мореходов отправили закреплять теорию производственной практикой. Понятовский попал на сухогруз, зафрахтованный под челночные рейсы между Ленинградом и Гамбургом. И в первый же свой выход в увольнение в иностранном порту

Витюшка... исчез. Пора отходить от пирса, а один из членов экипажа не на борту – ЧП! Капитан тянул время, как мог, но фрахт есть фрахт, и, сообщив консулу о пропаже, он отдал швартовы. На счастье и капитана, и самого Витюшки, консул оказался человеком опытным, расторопным, и к тому же имеющим хорошие связи в местной полиции: на выходе в открытое море сухогруз задержали, а через полчаса лоцманский катер причалил к спущенному трапу. Сняв с Понятовского наручники, пожилой полицейский передал курсанта кэпу «из рук в руки», и минут пять что-то нудел, строго тыкая волосатым пальцем-сарделькой в Витюшку; капитан согласно кивал, гневно зыря в сторону нарушителя, и во взгляде его явственно читалось, что Апокалипсис – не более, чем ласковый попутный бриз. Тут же было объявлено общесудовое собрание, на котором выяснились подробности злключения и заключения «злоумышленника».

Заглядевшись в заморские витрины, Понятовский отстал от своей группы. Паниковать он не стал, решив, что вряд ли ребята ушли далеко, и он их скоро догонит. Однако, побродив ещё с полчаса по незнакомым улицам, понял, что придётся добираться до теплохода самостоятельно. Путь в порт проходил через квартал «красных фонарей», о чём Витюшка не догадывался – не дают подобных знаний ни в школе, ни даже в самом элитном ВУЗе. Увидав на одном из перекрёстков, как молодая женщина отбивается от подвыпившего то ли французского, то ли бог его знает какого ещё морячка, Витюшка вступился, пытаясь объяснить коллеге, что тот не прав. Француз воспринял словесный демарш, как попытку отбить приглянувшуюся ему проститутку, дело дошло до драки, в итоге обоих дуэлянтов загребли в кутузку. Немец-полицейский на очень плохом английском долго выяснял причину мордобития, составил протокол, а напоследок объяснил «герру» Понятовскому, что проститутка – такой же товар, как и пиво с сосисками: заплатил – имеешь полное право кушать хоть с хреном, хоть с горчицей.

Быть бы Витюшке отчисленным и навечно отлучённым от флота, но неведомо откуда взявшийся репортёр от оппозиционной газеты растрезвонил на всю Федеративную Германию о событии в самых пасхальных тонах: «советский моряк вступил в схватку с пьяным подонком, защитив честь и достоинство простой немецкой девушки из рабочего квартала», «распоясавшийся хулиган усмирён русским матросом», «полиция, как всегда, хватает невинного» – и фото Понятовского, ведомого в наручниках.

И вот – долгожданный выпуск. Отметив событие, вчерашние курсанты разъезжались по флотилиям и пароходствам согласно распределению. Витюшке Понятовскому выпал, по общему мнению, вполне достойный вариант: тёплое Чёрное море, Новороссийск и белый круизный теплоход «Адмирал Нахимов». Через месяц вся страна говорила о гибели «Нахимова».

* * *

Года через два на углу Невского и Марата, у входа в метро, столкнулись нос к носу два приятеля-одноклассника, два бывших курсанта ЛВИМУ имени адмирала Макарова. «Ты где?.. Как?.. Женился? О-о-о! А помнишь?»... Вспомнили и о Витюшке. Вспомнив, решили помянуть.

В небольшом уютном подвальчике ребята заказали бутылку водки, и, оглядываясь, куда бы присесть, заметили одинокую фигуру, сидевшую к ним спиной. Морская тужурка, обтягивающая широкие плечи, волосы с едва намеченной проседью, рядом со стулом трость.

– Не помешаем?

Мужчина обернулся, блеснув им навстречу изумрудно-зелёными, цвета балтийской волны, глазами.

– Витька?! Понятовский?! Живой, чертяка! Да как же?..

– Как говорится, не дождётесь, – засмеялся Витюшка, – для меня ещё торпеду не спроектировали.

– Но ты же... На «Нахимове»?..

– Не попал я на «Нахимов», ребята, – сконфуженно усмехнулся тот, – и на тёплое море не попал, год в хирургии провалялся. – Витюшка глазами показал на трость. – Взял билет на самолёт до Новороссийска, утром с чемоданом зашёл в лифт, а трос вдруг оборвался. С шестого этажа, да подпрыгнул пару раз. Такие дела. Переломал всё, что мог, по осколочкам мой скелет собирали.

– Ничего себе! Ну, ты даёшь, Витёк! И как сейчас?

– Нормально, ребята. На спасатель взяли. На морской спасатель. Таких, как я, везунчиков из всяких ЧП выковыривать. Послезавтра в рейс.

– А мы тебя уж поминать собрались, – протянул один из приятелей, – такой повод ты, Витёк, испортил.

– А что я, не механик? Как испортил – так и починю, – снова засмеялся Понятовский, – давайте, ребята, за удачу!

– За удачу, мужики!

– За удачу!

Капитанский гамбит

Радиоточка судовой трансляции щёлкнула и хриловато возвестила: «Старшему механику просьба зайти к капитану!». Всеволод Андреевич даже не поглядел на часы: 17-00. Ежедневный файв-о-клок у кэпа под партию в шахматы давно стал традицией, которая за последние года три нарушилась лишь однажды, при девятибалльном шторме в Северном море. Вахту с шестнадцати до двадцати на мостике несут старпом и четвёртый штурман, и большой необходимости находиться там ещё и капитану не было – до берега миль двести, кораблей в зоне видимости радара не наблюдалось – но шахматные фигуры бегали по доске самостоятельно, презрев субординацию и напрочь игнорируя правила, а одна наглая белобрысая пешка при очередном скуловом ударе подпрыгнула и нырнула в капитанский чай.

– Заходи, Андреич! – капитан Стас Йонович (впрочем, и экипаж, и он сам больше привыкли к «Иваныч») Бальчукас, стоя у открытого иллюминатора, смаковал солёно-йодистый воздух: втянет ноздрями порцию, задержит в лёгких – выдохнет, снова втянет...

– Медитируешь? – усмехнулся дед, – а чего шахматы не расставил?

– Так они без присмотра опять в чай нырять надумают. – улыбнулся кэп.

Играл Стас Иваныч напористо и сильно, в молодости выступал за мореходку, и старшему механику приходилось изрядно попотеть, чтобы вытянуть хотя бы ничью, а уж выиграть случалось и вовсе не часто. Но сегодня командир был рассеян, и Всеволод Андреевич без особых усилий подряд в трёх партиях поставил судовому гротсмейстеру мат.

– В поддавки решил поиграть?

– Ага, – легко согласился Бальчукас, – а то обидишься, приходишь перестанешь, придётся в одиночку чифирить... Новости слышал?

– Про танкер, что ли? Так, краем уха, радиogramму ещё не читал.

– Зря не читал. Топливо прибудет недели через две в лучшем случае, так что загорать будем всем районом. Два мурманских БМРТ уже в дрейф легли, не сегодня-завтра и остальные встанут. Одно радует – погода на ближайшую декаду штилевая.

Капитан откинулся на спинку дивана и замолчал.

– Слушай, а у тебя джаггеры* есть? – неожиданно спросил он.

– Есть с десяток. – пожал плечами дед, – Поделиться?

– Поделишься, успеешь... – задумчиво протянул Иваныч. – Ладно, отбой на сегодня.

* * *

На строчке «РТМС 2375, кмд Бальчукас С. И.» палец начальника отдела добычи Савенкова Игоря Дмитриевича споткнулся. Он отодвинул от себя сводку, задумался. Снова придвинул лист, подчеркнул карандашом строку с непонятными для него цифрами и поставил рядом жирный знак вопроса. Побарабанив пальцами по столешнице, снял трубку телефона:

– Доброе утро, Светлана свет Петровна, Савенков на проводе. Как жизнь молодая? Не штормит эфирное море?

– Доброе утро, Игорёк. Спасибо, шкандыбаю помаленечку. Внучку вот замуж выдала, в прабабки готовлюсь. Ты, небось, поболтать с кем хочешь? Немножко подождать придётся, радисты сейчас профилактические работы заканчивают.

– Хорошо, Светлана Петровна, я у себя. Как закончат, соедините меня с бортом 2375.

* * *

По давно и неизвестно кем заведённому обычаю, после отчёта за рейс капитан давал банкет. Сегодня отчитывался и, соответственно, угощал Бальчукас. Мелочиться на флоте не принято, поэтому столы ломились от водки, коньяков и виски, мясных и рыбных копчёностей, маринадов и прочих разносолов. Клерки заходили, пропускали по рюмке-другой и возвращались к своим делам. Начальники отделов и всевозможных бюро задерживались подольше, решая в застольной беседе те рабочие вопросы, которые «насухо» почему-то не решались. Высокое руководство произносило тосты за удачное окончание рейса, за трудовой подвиг экипажа и личный вклад капитана, и после стандартного «за тех, кто в море» отбывало на служебных автомобилях в свои высокие руководящие сферы. И лишь капитан был обязан держаться до конца, уходя с банкета, как с тонущего корабля, последним.

Стас Иванович, уже изрядно захмелев, выбрался наконец на свежий воздух, отдышаться. Тут-то его и настиг Савенков:

– Ну, здравствуй, что ли, капитан! Окружили тебя черти сухопутные, не подойти, не пообщаться!

– Привет, Игорь, – улыбнулся в ответ Бальчукас, – сам-то себя еще сухопутным не считаешь?

– Добью институт – вернусь, Стас Иваныч. Возьмёшь снова, или тебе шибко грамотные не нужны?

– Так грамота грамоте рознь, Игорёк. Я вот и со средней мореходкой не худший капитан по базе, а кому и три института не помогут рыбку ловить.

– Не прибедряйся, Иваныч – одним из лучших тебя считают.

– Ой, Игорёк, – засмеялся Бальчукас, – как тебя жизнь береговая развратила – комплименты отвешиваешь, будто даме! Можешь не напрягаться, я и так знаю, чего выведать хочешь: откуда план, так? Поделюсь, Дмитрич, с тобой – поделюсь. Только между нами, не выдавай старика.

Бальчукас прищурился, улыбнулся заходящему солнцу, оно ответно блеснуло на потускневшем золоте капитанских погон.

– Знаешь, Игорёк, иногда, чтобы выиграть партию, надо пожертвовать фигурой, – как-то не совсем в тему начал капитан, – гамбитом это называется.

Савенков вопросительно молчал.

– Почему, спросишь, у меня улов больше? Так я соцсоревнование на свой манер устроил, с премией в конце каждой смены. Кто больше наловил – тому бутылка водки. Ребята сами учётчиков назначали, чтоб без обману.

– Постой-постой... Это ж... – Савенков зашевелил губами, подсчитывая. – Три ящика? Откуда?

– Ну вы же сами загрузили мне для консула в Аргентине, Дмитрич.

– Ё-ё!.. Ты эту водку?.. Иваныч, ты знаешь, чей он родственник? – глазами показал куда-то вверх Савенков.

– Знаю. Да ты не беспокойся, встречался я с ним, когда заходили на отдых. Кстати, нормальный мужик, хоть и родственник; – тоже показал в небо глазами Бальчукас, – хотел я откупиться, виски ему предлагал, да он руками замахал: мол, водки для дела не жалко, а виски я себе и сам могу купить, ты мне лучше подари штурвал на память.

– И?..

– Что «И»? – засмеялся Стас Иванович, – снял я для него штурвал с аварийного привода, да в придачу подарил ракетницу сигнальную и ящик фальшфейеров. Пусть салютует на здоровье!

*джаггер – разновидность блесны, напоминает яркий поплавок с шарнирно закреплёнными по периметру в несколько рядов крючками.

Воронина Вероника Юрьевна – родилась в г. Сарове Нижегородской области. Окончила журфак МГУ, получила дополнительное психологическое образование.

Печаталась в известных научных и литературных журналах, альманахах и коллективных сборниках. Лауреат и дипломант нескольких международных и межрегиональных конкурсов.

Живет в Люберцах Московской области.

Край земли, где гуси говорят с ушедшими

Третий день неясное ощущение тяготило и беспокоило. Словно неладное уже случилось, но ещё не узнано. А потом мне приснился дед-помор. Я наконец-то приехала к нему в гости в деревню под Архангельском, в первый раз после смерти бабушки. Дед обнял меня, щекоча бородой, и я почувствовала привычный запах моря и табака.

На его карбасе мы долго плыли сквозь туман. Большая лодка покачивалась под ногами. У руля сидел незнакомый молчаливый старик. В вязаной рубахе, портах и бахилах с длинными голенищами, он выглядел выходцем из далекого прошлого.

– Товарищ мой, вож корабельный, – представил его дед. – По-вашему, – лоцман.

Я поздоровалась.

– И ты путём-дорогой здрава будь, – ответил он.

Туманная дымка на море становилась гуще. Мелкие капли мороси оседали на одежде.

Убаюкивая плескалась вода. В вышине кричали гуси.

– Не в Гусину ли Землю подалися? – спросил дед.

– Не иначе, – кивнул вож.

– Знаю, – оживилась я. – Это полуостров в Архангельской области.

Дед фыркнул.

– Много ты понимаешь, дитя! Та Гусиная земля – тутошняя. А эта – тамошняя.

– Что за «тамошняя»?

– А вот что! – Дед продолжил, как песню запел: – Поморам Студёно море испокон веку кормилец и поилец, начало и конец. Неогляден простор морской. Есть дальний северный край, что зовется Гусиной Землей – туда уходят души хоробрых и добрых людей. Туда прилетают гуси, чтобы говорить с ушедшими. И доставлять о них весточки живым.

– То есть это поморский рай такой, а гуси – ангельская почта?

– Дурёха ты! – беззлобно сказал дед.

– Как думаешь, баба Нина там сейчас?

– Там, – уверенно и спокойно ответил дед. – Где ещё ей быть, родимой?

Мы все плыли и плыли. Сложно было представить, как старики ориентировались в таком тумане. Будто услышав мои мысли, дед проговорил:

– Хмаря какая, точно Варлаам жену везёт.

– Что?

– Присловье такое, дитя, когда густой туман сходит.

– И куда Варлаам везёт жену?

– Попотчую тебя былиной-старинной. То наш – сталбыть, и твой – поморский святой, покровитель мореходов. Вот послушай-ко, что раньше люди сказывали...

Родился отец Варлаам в Керети, на Лопском берегу, служил настоятелем в Коле. Жил там в мире и любви со своей хозяйшкой, был добрым пастырем прихожанам. Как-то изгнал беса с Абрам-мыса. Да бес тот, уходя, проклял его. Пришла беда. Сказывают, будто хозяйка Варлаама бесноваться стала. Настоятель пытался изгнать нечистого да и убил её нечаянно.

Дед помолчал.

– И так сокрушался Варлаам сим деянием, что сам себя наказал непомерно: плавать по морю с гробом убиенной, доколе тело не истлеет, и молить Бога об отпущении греха. – Дед замолчал, раскуривая трубку. – Быстро срядился Варлаам и отворил паруса. Путь его проходил от Керети до Колы и обратно. Так сокрушалось сердце Варлаама, что путь несчастного всегда лежал против

обуревания, через непогоду. Посему и присловье бытует: «Пошёл, как Варлаам против ветра». Много лет он скитался, покуда не искупил грех и не вымолил прощения. Кой-кто сказывает: и донине карбас тот плавает. А ветра и туманы будто стали подвластны Варлааму, – проговорил дед со значением. – Отсюда давношное поверье: коль стущается марево, то Варлаамьева лодья подходит.

Он продолжил совсем тихо, после долгой паузы.

– В моем детстве старики баяли: Варлаам пособляет дорогу найти и живым, и тем, кого море взяло. Одним – домой, другим – на тот свет.

Поблизости снова прокричали гуси. Старый помор кивнул в ту сторону.

– Знамо, в Гусиную Землю. Деды так сказывали.

– Ты в это веришь? – спросила я.

– Нешто не верить! – ответил он. – Наше море-то Студёное уж больно норовисто да переменчиво. Тут иначе не скажешь: кто в море не плавал – Богу не молился.

Мы плыли еще какое-то время, когда белёсое марево стало постепенно рассеиваться. Сквозь прорехи понемногу открывалось небо. Вож сказал:

– Уже близко.

Дед вдруг заторопился.

– На-ко, смотри-ко, дитя, что у меня тебе припасено.

И осторожно вынул из-за пазухи свёрток.

Я развернула его и залюбовалась деревянной поморской птицей, которую подвешивают под потолком на счастье. Длинной шеей и изящно выточенным корпусом фигурка походила на звонкую да ладную летучую ладью с ажурными крыльями-парусами.

– Для тебя сделал.

Как я любила этих птиц в детстве! Казалось, подбрось – и взлетят, трепеща крыльями. Но в руки их не давали – слишком хрупкие. Позволялось лишь смотреть, как они кружились под потолком от легчайшего ветерка.

– Спасибо, дед!

– Здоровья тебе на всех ветрах!

Он обнял меня, снова уколол щеку бородой.

– Ты что, прощаешься?

Дед не ответил. Туман продолжал расходиться. Неясно проявлялся берег.

– Где это мы?

На показавшемся берегу сквозь белые клочья проступала фигура пожилой женщины.

– Ой, неужто это...?

– Негоже тебе туда смотреть! – прикрикнул вож. – Отвернись!

Я отвернулась без возражений.

– Теперь пойду, – вымолвил дед и шагнул через борт на смутно различимый причал. Вож тотчас развернул карбас прочь от берега...

Под утро меня разбудили непривычные для города звуки: крики пролетающих диких гусей. Они звучали как прощание и благословение.

Тревожное ожидание беды растворилось.

Я лежала не в силах освободиться от остатков сна. Лишь долгую минуту спустя до сознания дошло: у меня никогда не было деда-помора!

«Свивая обе полы сего времени»

*Старина стародавняя,
Былина быль досельная,
Морю на утишенье,
Добрым людям на послушанье[1].*

Поморы – жители Беломорского побережья – более всего чтут море и слово. Море Студёное, «Гандвик – море песенное». К нему обращаются «батюшко море, кормилец», его нельзя ругать. О нём говорят: «Развеличилось», «Море-морюшко любое наше».

А образность речи ценится в Поморье так высоко, что, как пишет фольклорист и сказочник Борис Шергин[2], речь поморов и поморок «точно жемчуг падает на серебряное блюдо». Что уж говорить не о повседневных, будничных словах, а о тех, что наособицу: былинах, песнях, заговорах, молитвах! Слили в них великие силы магии и поэзии! Неудивительно, что многие обращены к морю.

Этнограф, исследовательница Русского Севера чудесная Ксения Гемп[3] повествует о женских поморских напевах, плачах, причитаниях, сказываниях. Есть и «ожиданьца». Их поморки выпевают перед Белым морем, молясь ему, заговаривая и уговаривая вернуть любимых мужей,

сыновей, отцов, ушедших на промысел.

С древнейших времён песня, голос, слово создают мост между «здесь» и «там», прошлым и будущим, проявленным и непроявленным, притягивают друг к другу бытие и небытие, «свивая обе полы сего времени», как выразился безымянный автор ещё одного изумительного по красоте текста – «Слова о полку Игореве». «Жемчужные» сказывания, плачи, напевы, «ожиданьица» поморок создают мост между теми, кто доверился ненадежному морю, и теми, кто остался дома.

*Море не кротееет[4], а затемнилось,
Ох, рванет полношник[5] нежеланный.
Встанет взводень[6], зарыдат.
Да свистит полношник, пылит по морю-океану.
Пену с гребня волны рвёт.(...)
Уймись ты, море Белое, студеное,
Почитаем тебя за кормильца нашего.
Жизни нашей нету без тебя.
Отвори ты, море Белое, дорогу мужикам да сынам нашим.
Утешение дай нам, ожидающим[7].*

В словах этих сила необычайная, настоящая заговорная магия!

А в плачах женщины горюют о тех, кого море взяло. Выходят поморки на берег и поют, «к камням припадаючи, к Студеному морю причитаючи»:

*Увы, увы, дитяtko,
Поморской сын!
Ты был как кораблик белопарусной.
Как чаечка был белокрылая!
Как елиночка кудрявая.
Как вербочка весенняя!
Увы, увы, дитяtko,
Поморской сын!
Белопарусный кораблик ушел за море,
Улетела чаица за синее.
И елиночка лежит порублена,
Весенняя вербушечка посечена.
Увы, увы, дитяtko,
Поморской сын![8]*

От напевов веет древностью, «давношним» временем. И при этом они как родник с живой водой, что пробивается через века. Ксения Гемп и Борис Шергин записывали жемчужное слово песенной «поморской говори» уже более ста лет назад – начиная с первых десятилетий прошлого века.

Поражает, потрясает не только сила слова, от которого рвётся сердце, но и тайна его передачи. В него, в это слово, даже пойманное бумагой и чернилами – без голоса, без звука, без напева, – ухаешь, как в колодец бездонный, и летишь, летишь... Куда?

Туда, где на *угор* – возвышенный берег моря – выходит женщина высматривать, не чернеет ли судёнышко, не белеет ли парус. Она то стоит на месте, то в тревоге ходит по угору, то присядет. Сильный порывистый ветер треплет её простую домотканую одежду. Воздух солёный и влажный. Серые тяжёлые волны бьются о камни.

Женщина, такая маленькая и ничтожная перед лицом стихии, «подымет на голос песню» – и поёт морю, говорит с ним, уговаривает его, успокаивает. И слова её – то молитва, то заговор, то былина, то заклинание.

*Высоко-высоко небо синее,
Широко-широко океан-море,
А мхи-болота и конца не знай
От нашей Двины, от архангельской...[9]*

А как примется поморка причитать с безудержным отчаянием, то распластывая руки в стороны, то с силой прижимая их к груди, то припадая к камням, плач её вонзается в сердце, как острая игла в края раны. Сплетаются слова, штопая оставленную смертью дыру. Свивая «тогда», когда взятый морем был ещё жив, и «сейчас», уже навсегда без него.

*Море ты наше беспокойное,
Кажинный год жизни забираешь,
Жён, матерей обездоливаешь,
Детушек малых сиротишь,
Невест радости лишаешь.
Горе несёшь неизбывное, печаль великую.
И что ты, ветер, спокой редко знаешь,
Как с полуночи задуешь, засвистишь,
Волну вздымаешь высокою, пеной пылишь.
Ох, и страшна волна морская,
Холодна, темна, солона волна глубинная.*

*Встанет выше мачты, шире паруса.
Нет ей удержу, утешения нет,
Не поставишь ей запрету,
Запрету не поставишь, не умолишь...[10]*

*Батюшко синее море,
С тобою живу, помираю,
В лютый день припадаю!
Услышь меня, синее море[11].*

А седое море слушает и слышит. И неизменно, неизменно отвечает ей, подпевает голосами множества труб. И разговор этот длится, не смолкает.

Читаешь все эти плачи, сказывания, *ожиданьица* и причитания, и в воображении начинают рождаться образы.

Женщина на берегу, которая видится внутренним зрением, – не конкретная поморка, а образ, песня-душа.

И как тут не подумать обо всех известных и неизвестных женщинах, ждавших и ждущих возвращения своих мужчин – не только с морского промысла, но и из похода, с войны.

Женская песня-душа говорит со стихиями – моря ли, как поморки и гомеровская Пенелопа (должно быть, и у неё было своё «*ожиданьице*», неведомое Гомеру); солнца ли, ветра и реки, как Ярославна в Путивле. Песня-душа то просит, то заклинает-заговаривает, то требует, то оплакивает, отпевает. Молится и за своих, и за чужих – за всех уходящих. Слово летит сквозь время, как стрела, из прошлого в будущее.

*Где вы, кормильцы наши, бьётесь с морем?
Одна надежда у вас – своя головушка да рученьки.
Все дороженьки морские знакомы вам.
Не раз горевали в погоду.
Не страшились ветра с полуночи.
Не боялись взводня морского.
Воды морской тяжелой, холодной, солоной.
Не погубит вас море наше Белое.
Не оставит сирот разнесчастными.
Не оставит и матерей бедовать.
Уймётся, откроет дорогу вам.
К дому родному, к теплу приведёт.
Море-морюшко любое наше, уймися[12].*

И как тут не подумать обо всех известных и неизвестных мужчинах, оставивших семьи, вольно или невольно, в силу нужды или трагических обстоятельств. Ушедших в море, в поход, на войну... Обо всех неисчислимых потерях...

В море могил нет. Оно все как одна большая братская могила. Борис Шергин даёт жуткий образ зимнего Гандвика: «*Льдины – что гробы белые. И лезут они на берег, и стонут, и гремят. Жмёт их полуночник*»[13]. Как есть царство смерти. А возвращение с рискованного промысла подобно возвращению с того света.

Песня-душа знает: именно женская магия *ожиданьиц*, заброшенных в море, подобно рыбацким сетям, раз за разом отнимала ушедших у смерти, возвращала их жизни. Как у Константина Симонова: «*Ожиданием своим ты спасла меня*». Ожидание – архаическая и повседневная магия жизни и смерти.

Подобно маяку, она открывает-показывает дорогу сбившимся с пути, потерянным и потерявшим себя. Кому домой, а кому – в дальний северный край, Гусиную землю, куда уходят души тех, кого море взяло. Кто-то же нуждается в том, чтобы увидеть свой жизненный путь, дорогу к самому себе. То, что должно уйти, – уходит, то, что должно вернуться, – возвращается. И открытие пути становится даром исцеления для тех, кто ушел, и тех, кто остался на берегу.

И мир откликается на песню: море светлеет и успокаивается, на горизонте появляется белый парус.

Предание о божьей рыбе

Моря и океаны, как рыбой, полнятся мифами и легендами. Щедро посеянные мореходами и жителями побережий, сказания и поверья живут своей жизнью между небом и землей. Они ширятся, переплетаются, как водоросли, прорастая друг в друга, заполняя пробелы и пустоты, добавляя к логиям реальных морей логии морей легендарных.

Иудейская традиция сохранила предание о дивном доисторическом существе, «*dag gadol*» – библейской «большой рыбе», созданной Творцом еще в один из первых дней творения мира с единственной целью: многие века спустя проглотить, а потом извергнуть пророка Иону. Она получила имя от самого Адама: «Рыба, которая проглотит Иону». А в русском синодальном переводе её назвали «китом».

На Белом море предание о ней соединилось с европейской легендой о Летучем Голландце и с литературной историей Моби Дика[14].

Согласно преданию, кит получил вечную жизнь за то, что не навредил Ионе, сначала проглотив, а потом извергнув пророка обратно. И уже в относительно недавние по сравнению с библейскими времена – «всего лишь» лет триста назад – кит-Агасфер с «*покрытой мохом лет седой спиной*»

заплыл в Ледовитый океан. По слухам, первыми его обнаружили норвежцы близ Гаммерфеста – самого северного города Европы, где море не замерзает благодаря теплым водам Гольфстрима.

Один китобойный капитан – «*богоотступник*», как отмечается в повествовании – немедленно вышел из гавани и поплыл за китом «*в русские воды*». Сказывают, что древнейшее существо на Земле заметили благодаря северному сиянию. Капитан, предвкушая богатую добычу, метнул гарпун и ранил кита. От боли тот так сильно ударил хвостом, что поднятые волны залили и погасили северное сияние!

И тут сверху послышался голос Николая Угодника: «*Безумцы, как смели вы поднять руки на творенье, Богом хранимое до века!*» Святой сурово наказал рыбаков за прегрешение: огромный кит второй раз – со времен пророка Ионы – покарал богоотступников и проглотил команду вместе с судном. Не зря еврейское слово «*dag*» – «рыба» – означает также и решение Небесного Суда, согласно которому душа отправляется в преисподнюю.

Когда кит проглотил судно, гигантские волны успокоились, северное сияние снова зажглось. При его свете на воде появился призрак корабля с командой. Душам мореходов было назначено скитаться на своём летучем голландце между небом и землёй, преследуя кита. С тех пор парусник, видимый лишь при северном сиянии, встречают временами моряки на всём протяжении от Нордкапа до Берингова пролива и Гренландии.

Но Бог милосерд, – заканчивает предание, – есть надежда, что экипаж будет помилован молитвами Николая Угодника, жалеющего даже нехристей.

А что же бедный кит? Хоть и бессмертное Божье чудо, инструмент Небесного Суда, а все же живое – в пространстве мифа – существо, пострадавшее от человека. Говорят, некоторое время назад одному старому морскому волку, ночью ловившему рыбу, удалось увидеть того кита. Рыбак свидетельствовал, что от веревки уцелел только обрывок, а сам гарпун почти стерло водой. Пройдёт еще каких-нибудь лет двести, и от раны следов не останется.

Интересно, а какими подробностями дополнится предание о большой рыбе ещё через пару веков? С какими легендами и сказаниями срастется-переплетётся? А то, что предание уцелеет, – несомненно. Мифы живучи, как бессмертный кит.

[1] Шергин Б. «Отцово знание».

[2] Шергин Б. «Запечатлённая слава».

[3] Гемп К. «Сказ о Беломорье».

[4] Кротеть — ослабевать, уменьшаться.

[5] Полуножник — северо-восточный ветер.

[6] Взводень — сильное волнение на море; крутая большая волна, крутой вал.

[7] Гемп Там же.

[8] Шергин Б. «Отцово знание».

[9] Шергин Б. «Двинская земля»

[10] Гемп К. «Сказ о Беломорье»

[11] Шергин Б. «Братанна».

[12] Гемп К. «Сказ о Беломорье».

[13] Шергин Б. «Новая земля».

[14] Это северное сказание записал в 1894 году журналист и публицист Евгений Кочетов (Евгений Кочетов «По Студёному морю...»).

Ковяткина Лариса Юрьевна – родилась 14 апреля. Окончила Литературный институт им. Горького. Работает в ГБУСО ВО Александровский комплексный центр социального обеспечения населения.

Живёт в г. Александрове Владимирской области.

Девятый вал

(рассказ по мотивам известного исторического анекдота 1790 года)

Адмирал Русского флота Василий Яковлевич Чичагов ехал в карете по Царскому Селу к загородному дворцу Екатерины Великой. Всего четверть часа оставалась до высочайшей аудиенции, коей он удостоен как «виновник» блистательной виктории над шведской эскадрой.

А вы понимаете, господа, что это значит – высочайшая аудиенция?! Чёрта лысого вы понимаете, каналы! Это значит – остаться лицом к лицу с ПЕРВЫМ лицом государства! НА-Е-ДИ-НЕ!

Впрочем, почему наедине?!

С нескрываемой теплотой адмирал взглянул на своего спутника. В такой ответственный момент у него одна надежда: двоюродный племянник, которого все домашние любовно называли Пузырём.

Пузырь необычайно хорош собой: этакий пухленький златокудрый херувимчик на девятом году жизни. Сложен он великолепно! Ни один скульптор не отказался бы воплотить в гипсе это чудесное создание.

Конечно, вы, господа, тут же возразите, что отрока красят, наипаче всего, примерное поведение и ревность к наукам.

Не извольте беспокоиться: просто до сих высоких материй ещё не дошла очередь.

Итак, адмирал Василий Чичагов был уверен: его подведёт кто угодно, но только не Пузырь, а особенно ежели дело касается высочайшей аудиенции. Сей милый отрок мог опоздать куда угодно, но к раздаче наград и милостей всегда поспевал вовремя! А флотоводец верил в отрока-херувимчика, как в своего Ангела-Хранителя, как в свою путеводную звезду, которая под занавес славной военно-морской биографии уже дважды швырнула к его ногам штандарты неприятельского флота.

Пузырь к своим неполным девяти годам собрал богатую коллекцию изящных манер и очень любил поразить высоких гостей какой-нибудь драгоценностью из своей сокровищницы. Такого чудотропка не стыдно было показать самой Государыне, и адмирал находил сие вполне уместным.

К тому же, его племянник (да, двоюродный, но это же не имеет большого значения?!) к постижению наук весьма ревностен. Если сказать проще, Пузырь хватал всё на лету! Он готовился к поступлению в морские кадеты, а потому без устали штурмовал премудрости семафорной азбуки под руководством дядюшки-адмирала. Прилежный ученик не выпускал из рук сигнальных флажков, очертания коих и теперь угадывались за пазухой новенького, с иголки, кафтанчика цвета морской волны. Но вот высунуться из-за пазухи (даже на осьмушку дюйма!) сигнальный флажок не имел права: Пузырь сознавал важность момента. Он ведь без пяти минут морской кадет, и вот-вот он будет беседовать с самой Государыней Екатериной! Ах, сие просто невероятно!

Василий Яковлевич в свои 64 года был опытным морским волком и ежеминутно готов был к встрече и с неприятельским флотом, и с девятым валом. Но разве сие можно сравнить с высочайшей аудиенцией?! Перед таковым испытанием браваый вояка пасовал. Всё сжималось у него внутри, поэтому он сжимал мальчишескую ладонь так крепко, что отрок не раз порывался выразить своё неудовольствие. Но нельзя же обращать так много внимания на досадные мелочи, если волна восхищения захлёстывает тебя, как девятый вал?!

Пузырь, забыв про этикет и политес, ошеломлённо таращился на всё: блеск и великолепие загородного дворца Императрицы, ровные ряды гвардейцев, церемониал встречи и – наконец! – сама Государыня Екатерина Алексеевна...

Императрица приняла морского стратега и будущего морского кадета в личном рабочем кабинете. Прославленный мореход вовсе не собирался очаровывать Государыню изящными манерами своего любимца. Отнюдь! Пузырю была отведена иная роль, даже не роль – миссия! Но... тс-с-с! Не зря говорится: ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами. А коли уж невтерпёж (сие уже не для детских ушей!) – завяжи морским узлом (двойным брамшкотовым!) свой болтливый язык, а не то, подлая тварь, тебе вырвут его прямо с корнем раскалёнными щипцами на Сенной площади! Да так вырвут, что красные сопля изо всех щелей потекут! Желательно бы добавить кое-чего покрепче по адресу некоторых языкатых господ, но можно ли осквернить площадной бранью покои самой Государыни?!

Итак, мы успели к началу высочайшего государственного приёма! Ощувив священный трепет, понаблюдаем за гостями Екатерины Второй, потому что наблюдать за монаршей особой нам никто не позволит...

Итак, с самого начала недоросль повёл себя предерзостно! Подойдя строевым шагом к Императрице, он отчётливо и звонко заявил:

– Ваше Величество, позвольте мне Вас охранять!

С этими словами он вытянулся во фрунт подле рабочего стола Государыни, даже не дожидаясь монаршего согласия.

Такая выходка была непозволительна даже для кадета-первогодка, но бывалый строевик рассчитал верно: Пузырь ещё не кадет, и по таковой причине дерзость не повлечёт за собой серьёзных последствий.

Уразумев, что остаться без охраны нет никакой возможности, Екатерина повернулась спиной к малолетнему стражу. Пузырь, всеобщий баловень, часто участвовал на равных со взрослыми в обсуждении дворцовых сплетен, поэтому прекрасно знал, что это означает! Монаршая особа отворачивается от тебя в тот же самый момент, в который поворачивается спиной сама Фортуна...

Никогда ещё по пухленьким щёчкам не лились такие горькие безысходные слёзы! Вся будущая радужная карьера морского офицера лопнула прямо на глазах, как мыльный пузырь...

Между тем Екатерина с приветливой улыбкой обратилась к адмиралу. Ей не терпелось узнать подробности блистательной виктории!

Чичагов начал робко и неуверенно: как-никак, перед ним восседала сама Государыня Екатерина. Но у той был удивительный талант: с каждым она умела беседовать «сообразно его разумению» и держала себя столь непринуждённо, что собеседник рано или поздно забывал, что перед ним монаршая особа, и мало-помалу начинал раскрепощаться.

Так произошло и с героем морских баталий!

Как только у «дядюшки Чичагова» проскользнула пара крепких выражений, Пузырь насторожился. Даже слёзы высохли на его щеках!

Помня о своей «особой миссии», мальчик сделал страшные глаза и зажал рот рукой.

Но ничего не помогало! Адмирала «понесло». Он покрыл неприятельскую эскадру такими непечатными выражениями, что отрок в ужасе закрыл глаза. Лицо его пошло пятнами. Но Екатерина побывала и не в таких переделках, и не было случая, чтобы её алебастровая кожа утратила ровность цвета.

Ах, какой конфуз!

Бывают в жизни каждого человека такие минуты, когда он взрослеет. Эти минуты настали! Никакой пузырь не раздуется до размеров, ему несвойственных: дрогнет его тоненькая радужная оболочка – и всё, лопнул, голубчик!

Каково же было осознать кудрявому баловню, только что переставшему быть Пузырём, что вся будущность Русского флота в единый миг легла на его хрупкие отроческие плечи?! Нужно было действовать, не дожидаясь указаний, и притом незамедлительно!

Одним рывком отрок вынул из-за пазухи сигнальные флажки и взмахнул ими.

Флотоводец, который к этому моменту совершенно разошёлся и, увы, никак не желал удостоить своего любимца взглядом, вдруг осёкся на полуслове: флажки начертали в воздухе два роковых слова «корабль тонет».

Чичагов словно провалился в зияющую дыру тишины.

Просоленный морем, он знал, что полный штиль иногда бывает предвестником девятого вала...

Несчастный старик схватился за голову и упал на колени. Не теряя ни минуты, рядом бухнулся на колени и двоюродный племянник.

– Ваше Величество, простите! – умолял адмирал.

– Ваше Величество, простите дядюшку Чичагова, он больше не будет! – канючил обладатель золотистых кудрей.

Екатерина удерживала на монаршем лице кроткую улыбку, которая способна была обезоружить целую армию.

– Встаньте, адмирал, я ваших морских терминов не разумею. А Ваш племянник, вероятно, уже позабыл, что я нуждаюсь в его охране?

Будущий морской кадет побагровел. Как он посмел покинуть Пост Номер Один?!

Секунда – и он уже вновь вытянулся во фронт подле рабочего стола Екатерины Великой. Живи и процветай, милое Отечество! Охрана Русской Императрицы в надёжных руках.

Поздняков Владимир Игнатьевич – родился в Ленинграде. Окончил Рыбинское речное училище им. В.И. Калашникова, затем Ленинградский институт водного транспорта. Работал в торговом флоте. Судовой электромеханик Первого разряда. Сейчас на льготной пенсии. До выхода на пенсию жил в Санкт-Петербурге. Сейчас живёт в г. Старая Русса (микрорайон Городок) Новгородской области.

Рига – Ливерпуль

Мы стояли на линии Рига – Ливерпуль, возили пиломатериалы. Система такая, в России пилят сосны – везут в Латвию. В Риге распускают брёвна на доски и мы плывём с ними в Ливерпуль, и в Англии делают из них всякие удобства для человека. Ливерпуль красивый город. Сколько раз там был а в «Cavern Club» не смог попасть. То очередь, то закрыто. Думал всё потом, потом...

После четырёх месяцев контракта у людей ужасно портится характер. Сами понимаете – я белый и пушистый. Без иронии ещё хуже с этим делом.

Вы не замечали какие моряки весёлые и остроумные на берегу? Да? Вам смешно? А мне горько. И

психиатр морщится. За жизнь в невесомости космонавтам медали дают. А если посадить его, космонавта, на БМРТ и на шесть месяцев на Ньюфаундлендскую банку зимой рыбу ловить? Он эту медаль отдаст соседу по койке в каюте, в хороший шторм. И будет о невесомости мечтать.

Мне повезло, я работаю на торговом флоте. Каюта у меня отдельная. Контракт всего четыре месяца. Плюс один. Жены на берегу нет. Я снисходителен к задумчивым, молчаливым подкаблучникам в рейсе. Равно как и к многословному, незамысловатому чванству по этому поводу. Вот им сегодня днём меня старпом и достал на обеде. Ему повезло, что при качке супницы нет на столе. Как раз бы ему надеть на голову. Чтоб ручки торчали вместо ушей. Подфартило ему, поплавку долбаному, что у меня характер спокойный.

Опять не заснуть. Отлежишь левый бок – повернёшься на правый. Отлежишь правый – а третьего бока нет! Скоро придут будить на вахту. Это опять пол-банки кофе и пачка сигарет.

Что там дребезжит постоянно под умывальником? Встану, подойду – затихает! Только засыпать стану – опять. Пришвартуемся в порту – надо дочери позвонить. Бывшая теперь ей нервы треплет. Кому кислород нужен, кому свиной хрящик, а этой скандал! Насосётся крови и ходит поёт, улыбается. «Ой, чего это вы трясётесь, и волосы у вас дыбом?» Стерва.

Нет. Не заснуть. Качать стало круче. Градусов под 30 закладывает. Интересно, если перевернёт, смогу я открыть иллюминатор? На глубине каюта окажется метров десять. Не открою, давление не позволит.

Со сном творится чёрт знает что под конец контракта. Физкультурой занимаюсь больше часа на морозце, на свежем воздухе – и всё равно. А со снотворным шутки плохи. Лучше не баловаться этим. Организм ещё молодой – выдюжу. Первый раз что-ли.

По громкой связи зашуршало и заклацало. Это кто-то, что-то хочет объявить. Да возьми ты достань сначала микрофон из держателя, а потом включай по каютам! Нет, наоборот.

– Внимание! Экипажу, кроме вахтенного механика, одеться потеплее и в спасательных жилетах подняться в ходовую рубку.

Эт-то не учебная тревога! Так, одеваемся, быстро. Ботинки, ботинки где? Ботинки где? Я в ботинках пришёл в Риге из кабака? Вот они! Грязные, где меня носило? Вытереть? Некогда.

Как всегда, в минуту реальной опасности, адреналин возбуждал меня. Острее и проще становилось в голове. Кураж. Кроме русских никто ведь тельняшку не рвёт на груди. Не разумно.

Так, жилет на месте. Быстро побежал, побежал по коридорам упираясь локтями то в правую то в левую переборку. По трапу вверх, бегом. Вот и в рубке. Темно. Проморгаться надо после света. Отошёл в сторону, держусь за леера пульта.

Включили прожекторы. В лучах дождя и снега огромные пенные валы заливают палубу, обгоняя судно. Ход сбавлен до малого.

– Нам нужно курс сменить влево, а так мы упрёмся в берег через два часа, – это голос капитана, – может положить на борт при повороте. Заодно проверим как закрепили караван пиломатериалов на крышках трюмов. Старпом, проверь все здесь?

Свет включили – сосчитали – все.

Свет выключили.

– Машина – рубке!

– Слушает машина!

– Сейчас будем поворачивать, встанем лагом к волне. Возможно завалимся на борт. Обороты буду ставить на максимум. Обеспечь.

– Понял. Обеспечиваю.

– Так. Всем по углам. Держаться накрепко! Старпом встань рядом с поваром. Держи её крепче, если завалимся.

– Руки убрал! – Молодец, Татьяна!

– Посерьёзнее всем, посерьёзнее!

– Курс?

– 285.

– Так дежи.

– Держу 285.

Что-то внутри поднялось и захолодело около горла. Как в детстве перед прыжком на ходу из товарного вагона.

Вспомнил что из Риги мы вышли 13-го декабря ,в пятницу. Глаза стали шире.

Огромный вал зацепил корму и стал разворачивать пароход влево.

– Держать! Право на борт!

Машины на полный. Пароход как живой постоял с опущенным носом, затрясся и не стал выходить вправо.

– Держать 280! Не давай уйти влево!

– Держу! Не держится!

– Держи!

– Держу!

Вал проскочил вперёд и скрылся за полем света прожекторов. Где-то сзади подкрадывался другой. И надо бы его встретить в лоб.

– А теперь лево на борт!

Ручки машинного телеграфа до упора вперёд и ещё бы дальше! Нос медленно, всё живее, живее пошёл влево. Успеем!

И тут из темноты, откуда-то сверху, ударила в борт и покатила по каравану леса белая, в пене, всё пожирающая под собой волна. Пароход накренился резко, не ожидая такой подлости, как-то жалобно заскрипел и завалился на правый борт. Левый двигатель завизжал винтом в воздухе.

«Сейчас вырубится по защите от разноса, и тогда хана.» – в мозгах стучалась жирная, чёрная точка.

Я висел вдоль пульта и потные ладони скользили по лееру. Кто-то пролетел мимо меня и молча шмякнулся о переборку.

«Это не Таня». Над головой раздался визг, хуже пороссячьего на бойне. «Вот она».

Стал я искать глазами что-то нужное сейчас, и не находил.

«Дочку жалко».

Но руки ещё не опустились и были заняты. Мозг работал. «Двигатель не заглох левый! Так и визжит вместе с Таней! Не сработала защита! Да её механик просто отключил перед поворотом! Ну, молодец!»

Корма осела между волн и винт, наконец, забрал воду. Пароход очнулся и начал вставать на киль.

Кто-то держал следующий вал. ОН не добил нас лежачих! Вывернулись мы и успели поставить под волну левую скулу бака. Потом встали носом к волне и сбавили обороты...

Нормально так всё закончилось! Люди радостно стали разговаривать между собой. Вот где радости жизни-то надо ловить. Радостнее всех радостей такие радости!

– Все свободны, – сказал капитан.

Включили свет в рубке. У старпома лоб в крови.

– Таня укусила?

– Не, – улыбнулся он мне.

– Чайник.

– Пойдём перевяжу.

Да нормальный у нас старпом. Кто там что-то говорил?

В каюте у меня, конечно, такой был бардак! Но я даже не расстроился ничуть. Да ничего ценного и не разбилось. Спать ложиться не хотелось, но я лёг и тут-же уснул. Организм сам знает что ему нужно перед вахтой. Главное голову этого организма не загроужать всякими дурными мыслями.

Серьёзно пострадал тогда вахтенный механик, ему сорвавшимися пайолами перебило ногу.

А могло быть и хуже.

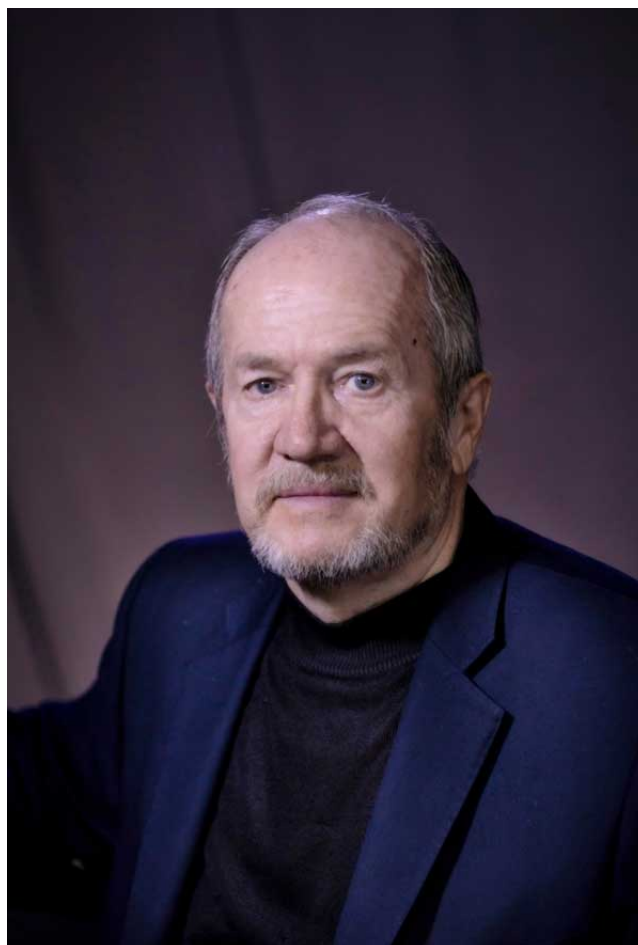
«Cavern Club», в тот раз, я всё же дождался когда откроют. Там как спускаешься, справа за стойкой барменша всем водку подслащивала Пепси Колой.

Я оглянулся на свою горько-солёную жизнь. И сказал ей.

– Мне так, не надо.

Старовойтов Валерий Иванович – родился в 1956 году в селе Паргиб Бакcharского района Томской области. Окончил Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С.О. Макарова. Служил в ВМФ. Капитан 2 ранга. Окончил СГУ. Юрист. Писатель. Актёр. Член Российского союза писателей, лауреат «Одинцовских чтений (Москва)». Публикации рассказов в сборниках СРП. Увлечение – театр, играет на сцене Камерного драматического театра.

Живет в Томске.

Лекарь-море

Смола ночи резалась желтыми лучами семафора. Световые сигналы морзянки снопами огня выхватывали снежную крупу, косяком падающую в вздыбленные валы разъяренного до бешенства моря. Очередной, с пенящейся шапкой, накатил и с грохотом ударил в ограждение рубки, перевалился через ее козырек, заливая студеной водой надстройку и находящейся в ней вахту.

Старова отбросило к шахте перископа, но он удержался за страховочный конец из сыромятной кожи, именуемой у подводников «собакой», опоясывающий вахтенного сигнальщика, бодро барабанившего по ручке семафора: «Добро на вход». Потрепанная штормами и уставшая от длительного похода в Индийский океан, атомная подводная лодка возвращалась на базу к полярным берегам.

Бортовые красно-зеленые и белые топовые огни сторожевиков охраны водного района то появлялись, то исчезали в ночи потревоженной неожиданно налетевшим «Зюйд-Вестом».

Бросая, из под ледяной корки воротника кожаной куртки – альпака, настороженные взгляды на бравого сигнальщика, принимающего шквальным ветер в полный рост, вахтенный офицер Старов, наклонившись к переговорному устройству, стал запрашивать боевой информационный пост (БИП) об элементах движения целей.

Из теплой уютной утробы лодки неслись наверх гнусавые команды вахтенного БИП: – Цель справа – на курсовом 15 правого борта в дистанции 10 кабельтовых, разойдемся на курсе 45 градусов правыми бортами через 5 минут. Цель слева, на курсовом...

– Есть..ть, твою в дедушку Нептуна.., – Старов закашлялся, глотнув приличную порцию жгучей, соленой влаги и опустил педаль «Каштана» – системы связи центрального и мостика.

Изумрудом светился репитер гирокомпаса. Его неугомонная картушка с обозначениями десятых долей градуса рыскала у неподвижного острия маленькой стрелки, застывшей на отметке генерального курса. Наконец она поползла к отметке в 180. Щелкнул Каштан, и деловой баритон штурмана растворился в грохоте шторма:

– Мостик! Центральный ложимся на курс 180 градусов. Как понял, мостик! – Пауза, и совсем уж весело – Старый не смыло? Спускайся, плесну шильца грамм 300, для согреву. Идем домой, бродяга, держись! – Понял центральный. Мокрый до трусов и злой, что погрузиться не дали. Конец связи. – Старов, накажу за треп вовремя вахты! – в Каштане затрещал и смолк голос старпома. Килевая качка изматывала, но мерцание огней сторожевиков вселяло надежду, что скоро гостеприимная бухта примет их с миром.

Нинки не было ни на пирсе, ни на плацу.

– К отцу, наверное, укатила, пора уже и побережись, – Старов, стал подсчитывать время до родов, украдкой, загибая пальцы. Строй подводников застыл на плацу перед трибуной, заполненной начальством.

– Ушли в марте, так апрель...Ни хрена себе, уже месяц остался. – Радостные мысли начали роиться в голове, отвлекая от холода, забирающегося под ворот шинели, мирно покоящейся шесть месяцев в раздевалке, на берегу – в пункте радиационной безопасности базы.

Начальник политотдела все говорил и говорил, и этой словесной чепухе про задачи подводников в условиях перестройки, не было конца. Наверное, как и Старов все ждали долгожданной команды «разойтись», что бы упасть в объятия любимой семьи после тяжелой и хорошо сделанной работы. Мысли в голове Старова скакали от душевного разговора, с подвыпившим Анатолием Петровичем – будущим тестем, в крепко натопленной архангельско-поморской, крестьянской избе, до сладостных картинок их нежной любовной игры в утопающей пуховой перине, на поскрипывающей железной кровати, той самой кровати, на которой 22 год назад и зачинали любимую Нинку-картинку.

Грянул марш «Прощание славянки». К горлу подкатился знакомый комок, и Старов чеканя строевым шагом, задрав подбородок чуть вправо – верх, рубил вместе с экипажем мимо трибуны, сверкающей золотом адмиральских погон.

– Товарищ капитан-лейтенант, я стартер заменил, – протягивая ключи от «копейки», переминался с ног на ногу у КПП его старый знакомый – мичман Ветохин, механик автопарка.

– Смотри, не залети! Сухой закон, блин еще не отменили? – Старов протянул мичману завернутую в чистую ветошь фляжку со спиртом.

– Куда там! Вон на той неделе командира К-161, капитана 1 ранга Александрова уволили. Совсем охренели политрабочие, закладывают всех, а еще теперь по приказанию выписываем не только журнал «Коммунист вооруженных сил», но и «Трезвость – норма жизни», будь он не ладен – подписка стоит в 3 раза дороже Мурзилки для дочурки. Эх, россея, кто в моря ходить будет. Эти, что ли комиссары пера?! – Мичман горько вздохнул и махнул рукой, разворачивающимся Жигулям.

Застоявшийся «Жигуленок» легко бежал между каменистых сопок, принарядившихся в серые шапки снега. Короткое полярное лето так же внезапно заканчивается, как и начинается. Уйдешь в море на тройку дней зимой, вернешься, а тебя уже встречают распускающиеся на глазах почки карликовых березок. Старов улыбнулся, вспоминая, как в первый раз пошел с ними представитель завода, прибывший в свою первую командировку с далекого Урала. Инженера, крепко принявшего накануне, пришлось в пургу забирать с гостиницы. Планировщики из штаба флота погнали К-495 в обеспечение стрельб надводников. Автоматика главной энергетической установки была на гарантии и требовала заводской регулировки на введенном реакторе, которую должен производить завод. Командировочный, отоспавшись, отрегулировал систему подачи забортной воды к насосам охлаждения реактора и после щедрого угощения крепко всхрапывал в каюте командира БЧ-5. О том, в море прозрел, когда бродили на глубине 200 метров. Благо спирта на проблемную автоматику получил достаточно, она работала исправно, что оставалось неожиданному пассажиру на подводной лодке. Наливать, да пить и ничего руками не трогать по сложившейся традиции! Так прошло пять

дней, когда его подпитая рожа появилась из рубочного люка и увидела зеленеющие сопки, нежно обнимающие сверкающую гладь Б.Лопатки: «Мама! Допился до белой», – и сел в шахте центрального на голову, поднимающемся по трапу в ограждение рубки, замполиту.

Показались блюдца маленьких, но глубоких озер, чернеющих по краям холмистой дороги. Из белого ковра тундры вдалеке начали вырастать дома пятиэтажек жилого городка. Старов придавил на газ и скоро влетел на приличной скорости в грязный дворик, окруженной змеями толстенных трубопроводов, вечно парящего теплоснабжения облезлых домов-близнецов.

Темной дырой сиротливо таращили на офицера глазницы окон пустой квартиры. Особо это не расстроило, потому что, приняв душ, он должен бежать в гости к штурману, у которого собирались все холостяки с их экипажа. С Ниной брак был не зарегистрирован, но они собирались пожениться, как только Виталий вернется из похода.

Смешно вспомнить, но завез он будущую жену в закрытый городок случайно и незаконно. Старов встречал начальника режима флотилии на своей машине на ж.д вокзале Мурманска.

Дежурный издали, увидев через лобовое стекло спящего на переднем сидении шефа, все понял и заблаговременно поднял полосатый шлагбаум. Сжавшись в маленький комочек, Нинка на заднем сидении тихо радовалась своему счастью. Перед походом в Индийский океан Старов хотел отправить «нелегала», но встретившись с укоризненным взглядом, махнул рукой и оставил под опекой соседки, предоставив невесте всю заначку на новую машину.

Окинув радостным взором милый сердцу двор, с разноцветными колясками, копошившимися в снегу малышами, Старов прыжками помчался на четвертый этаж. Его гнала неведомая сила, чтобы как можно скорее прочесть письмо, в правом углу которого она всегда рисовала тушью девушку, всматривающуюся в безбрежные просторы моря...

Капитан-лейтенант Старов десятый раз перечитывал на пожелтевшей записке корявые строчки будущего тестя. Строчки, словно уродливые карлики прыгали перед глазами:

– Нашей Нины больше НЕТ. Умерла, через ТРИ месяца, как Ты ушел. Аппендицит. Похоронили в деревне, рядом с Клавой. Приезжай, жду. Толя.

Суровое северное море ласкало сваи пирса. Тяжелый после загрузки корпус атомной подводной лодки крепкими тросами был пока прижат к последнему ее пристанищу на берегу. Старов и швартовая партия, построившись на баке, ждали знакомой команды: «Отдать носовые, отдать кормовые!». Тупорылый буксир вспарывал кромки тонкого льда, отпугивал замерзших чаек и малым ходом чапал к атамоходу чтобы проводить ее в Баренцево море. Старова больше не ждала девушка, похожая на ту, что согревала сердце в письмах, аккуратно хранившихся во внутреннем кармане альпака. Он снова уходил, чтобы вернуться, потому что знал: лучший лекарь – море.

Репецкая Юлия Владимировна – очень активный писатель. Поэт, прозаик, публицист. Сеет в массы доброе, разумное, вечное через социальные сети. Писать начала в 2018 году, не предполагая, что слова, написанные ею для друзей могут быть востребованы многими. С недавнего момента использует творческий псевдонимом Julia Rober – JRober. Издано 8 книг, которые доступны на просторах интернета.

Живёт в Уфе. Башкортостан.

Отцовское море

*В природе есть гармония и тайна.
Спокойствием достигнешь тех вершин,
Что знанием откроются бескрайним:
Целебным таинством целительства души!*

Первая встреча с водой

Детство имеет особую власть: то, что увидено впервые, навсегда остаётся в сердце нетленным отпечатком. Так было и со мной, когда в двенадцать лет я впервые встретила море. Оно встало передо мной не стеной и не бездной, а огромным зеркалом, в которое я смотрела и в котором растворялась.

Я не спорила с ним. Оно не пугало меня. Я принимала его так, как принимаешь дыхание – естественно, без оговорок. Волна обнимала, и я обнимала её в ответ. Мы были единым дыханием.

Тогда родители уже не были вместе. Мама попросила папу уйти: его жизнь слишком часто затмевал алкоголь. Но как-то ему удалось уговорить её отпустить меня и сестру с ним в летний рейс – на танкер «Волгонефть-147». Судно, чёрное, тяжёлое, пахнущее машинным маслом, открывало нам не просто дорогу, а целую вселенную – рек и морей.

Палуба как дом

На палубе я чувствовала себя свободной. Жар железа под ногами, запах железа и соли, шум двигателей, перебиваемый криками чаек. Танкеры в моей памяти до сих пор светлые, как будто они несли не нефть, а солнечный свет.

Команда жила своей слаженной жизнью, и я была её частью. Особенно – на камбузе. Судовой кок с улыбкой допускал меня к своим тайнам. Я лепила котлеты, жарила, слышала, как масло шипит на сковороде, а потом видела благодарные глаза взрослых мужчин, привыкших к суровым будням. Эти простые «спасибо» были для меня как первые награды. Особым штрихом были слова папы: «Ты моя молодчина, Юльчона».

Папа трудился матросом-электриком. Но он был не только электрик. Родные всегда говорили: у него золотые руки. Он мог починить всё: от простого утюга до корабельной проводки. Я видела, как он помогал коллегам, не отказывая никому. В его заботе о нас с сестрой чувствовалась та самая защита, которой ребёнку так нужно касаться, как ручки поручня в шторм.

К тому же отец был безмерно талантлив: пел, рисовал, играл на всех музыкальных инструментах. Мог простую расчёску превратить в губную гармошку. Кстати, папа в поездке показал нам собранную собственноручно магнитоу. Слушая её, музыка лилась бальзамом в наши сердца. Он нам отдал магнитофон по завершению поездки. Папа всегда незримо был с нами через мелодичные звуки.

Сладости и открытия

Иногда к нам причаливал плавучий магазинчик. Его приближение всегда было событием: словно корабль-призрак из мира чудес. Тогда я впервые попробовала варенье из лепестков роз и грецкого ореха. Этот вкус неопишуем: сладость нежная, цветочная, и одновременно терпкость ореха, как тайна, спрятанная в сладкой скорлупе. С тех пор этот вкус для меня – вкус отцовской любви.

Всё вокруг было связано: вода, солнце, тепло, запахи кухни, шум палубных шагов. Природа и человеческая жизнь сплетались в гармонии.

Дорога через шлюзы

Наш путь пролегал из Куйбышева (ныне Самара) в Ялту и обратно. Волга, Волго-Дон, Азов, Чёрное море. Это были главы одной книги, где каждая страница пахла водой.

Особое впечатление оставили шлюзы Волго-Донского канала. Их бетонные стены поднимались над нами, и казалось – корабль попадает в чрево гиганта. Я затаивалась в каюте, слушала, как скрипят створки, и видела, как вода то прибывает, то уходит. Моё сердце билось в унисон с этой мощной силой, созданной человеком, но подчинённой стихии.

Через эти шлюзы мы входили в Чёрное море. Я помню этот момент – будто вход в новый мир.

Чёрное море

Чёрное море встретило нас тёплой синевой. Мы купались прямо с палубы или в надувном бассейне, который всегда стоял рядом. Но ничто не могло сравниться с ощущением воды под открытым небом, когда вся даль принадлежит тебе и волне.

Мы рыбачили с пирса. Сначала ловили маленьких рыбок (бычков), потом использовали их как приманку для крупной рыбы. Мне не удалось поймать большую добычу, но сам процесс был завораживающим. Леска дрожала в руках, как струна, и казалось, что в этом напряжении заключено само дыхание моря.

Солнце почти не уходило: дни были горячими, воздух свежим до звона. Я пила его полной грудью, как глоток свободы.

Последняя встреча

Тот рейс был последним, когда я видела папу живым. Потом он исчез, словно растворился в тумане. Лишь через четверть века мама нашла его след.

Я пыталась вернуть его в свою жизнь – писала письма, отправляла фотографии внука. Одно письмо вернулось. Грусть была безгранична.

В 2011 году мама снова нашла его. Тогда он жил в Астрахани. Он мечтал сходить с внуком на рыбалку. Но этим мечтам не суждено было сбыться: пневмония оборвала его жизнь.

Слёзы и штиль

Годы спустя я впервые по-настоящему оплакала его. Плач переходил в рёв, и в этом был шторм. Несправедливость, раскаяние, горечь – всё навалилось разом. Но шторм не вечен. Приходит и штиль.

Я поняла: отец всегда был со мной. Его незримая нить вела меня, вытаскивала из смертельных опасностей, помогала выстоять в болезни, в испытаниях. Эта нить – как морской канат, натянутый от его сердца к моему.

Письмо

Дорогой мой папа, мой матрос, мой кормчий!

Я горда быть твоей дочерью.

Благодарю тебя за возможность рождения и проявления в твоём роду.

Ты жил во мне, даже когда мы были далеки.

Ты спасал меня незримо, ты шёл рядом в штормы моей судьбы.

Все мои силы – твои силы, все мои достижения – твои заслуги.

Я люблю тебя и буду любить, пока звучит в груди моё сердце.

Я верю: там, за горизонтом, ты гордишься мной.

Вечное море

Вода всё помнит. Волга, Дон, Азов, Чёрное море – все они стали свидетелями моей истории. Они приняли моё детство, мою любовь и мою потерю.

Море – это отец. Иногда оно ласкает, иногда штормит. Но оно всегда остаётся морем. И я всегда –

его дочь.

Алексеев Дмитрий Александрович – родился в 1990 году.

Литературный псевдоним – Ирма Георгадзе.

Живёт в г. Новороссийск Краснодарского края. Других сведений о себе не предоставил.

Дыши

*Я пытаюсь разучиться дышать
Чтоб тебе хоть на минуту отдать
Того газа, что не умели ценить*

...Зябко. Вода давно остыла до градусов, несовместимых с жизнью, но мне сказали, в лодке ещё должно быть тепло. Я стою на берегу, у самой кромки, насколько позволяет волна, вглядываясь в туманный горизонт, и не могу пошевелиться. Море лютует, показывая нам, кто есть кто. Где-то за спиной люди, много людей. В параллельной вселенной там военная база, а сейчас ещё и штаб по спасательной операции. Меня ободряют: всё обязательно будет хорошо. У меня нет сил отвечать, я хочу не дышать, сохраняя наш общий воздух.

Любимый, я буду здесь, ждать тебя и верить.

Ты обязательно найдешь выход, ты же всегда находил. Даже когда мама сварила зелёный борщ, а ты забыл сказать, что у тебя аллергия на щавель. Или когда мы пошли в поход и забыли в автобусе спальники.

Ты чинил эту лодку множество раз, починишь и сейчас. Ты знаешь её, будто собрал сам.

Главное, чтобы хватило воздуха.

Я помогу его сберечь...

...Сберечь его. Твой образ. Кажется, теперь только он сохраняет во мне силы не сдаться. Пытаюсь представить, почувствовать твоё теплое дыхание, сквозь сталь обшивки, сквозь толщу воды. Когда я держал твоё лицо в своих ладонях, когда ты едва касалась моих губ своими, и этот вдох, один на двоих, был бесконечен. Но холод уже проник внутрь, сковывая движения, затуманивая разум. За переборкой полный отсек воды и глухой стук. Раз в десять минут ребята с камбуза дают знать, что живы. Я стучу в ответ. Я тоже. Ещё жив. Удар пришелся на носовой отсек. Торпедный отсек, скорее всего, затоплен, ребята уйти не могут. А я могу, но не пойду. Я перепробовал всё, что мог, пытаюсь придумать, как подать сигнал на сушу. Я знаю эту лодку как родную. Каждый винтик, каждый провод, каждый шов. Чувствую её боль как собственную. Она стонет, скрежещет, сопротивляясь давлению, моля о помощи. Дэн, будь ты сейчас рядом, а не в носовом, что бы предложил? Чертова переборка. Медлить больше нельзя, Голова, пора отправлять спаскамеру наверх. Едкие мысли обжигают мозг и следующий удар в переборку я бью не кувалдой. Боль в разбитом кулаке пронзает тело, отрезвляя сознание. Резким движением я выпускаю спасательную камеру на поверхность. Она уплывает без меня, но теперь маячок подаст сигнал. Я знаю, родная, ты поймешь. Я не могу иначе. Кто-то должен менять патроны в системе регенерации, или остальные задохнутся уже через два часа. Выбор без выбора. Я стучу остальным, что маячок уплыл. Дэн стучит в ответ «идиот». Кажется, вся толща Балтийского моря наваливается мне на глаза. Теперь, когда я ничего не могу изменить, остается только ждать. Недостаток воздуха дает о себе знать, увлакивая в сон, окутывая волной воспоминаний. Смешно. Вспомнил, как нашим первым летом кормил тебя мороженым с ложки. Как доигрался, и кусок пломбира шмякнулся тебе прямо на нос. Думал, будешь ругаться. Ты так хохотала. Заливисто... Тепло... Не спать, мичман Головин, отзовись матросам, пусть знают, что всё под контролем. Под контролем... тьфу, посудина галимая. Знатно же тебе досталось! Отставить сон! Я вдруг замираю. Слышу, будто где-то ты поешь.

...День за днём с суровым штормом споря...

Ты стеснялась ещё, говорила, она народная, песня эта, но я знаю, догадываюсь, она твоя... Наша... Я лежу у тебя на коленях, ты гладишь мои волосы. Я только немного... прикорну...

Стук вырывает меня из забвения. Испугались хлопцы, что не отвечаю, стучат не переставая. Нахожу себя на полу. Сколько я проспал? Стучу в ответ. Держимся. Нас найдут. Точно найдут. Живыми бы...

Холодно, как в тот день, когда мы потеряли спальники. Помню, как ты тогда дрожала, а я пытался согреть тебя своим теплом. Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, смотрели на звезды. Ты сказала, что никогда не забудешь ту ночь. Я тоже. Никогда... Очнись, Голова! Прочь панику. Хочется кричать, но я молчу, да и сил на крик ни хрена не осталось. Мне кажется, я слышу твой голос, манящий, тёплый... Галлюцинации?.. Похоже, воздуха все меньше. Да, пора менять патрон. Господи, как холодно. Мертвецки холодно...

...Холодно. Кто-то принес мне одеяло, и я вдруг поняла, как замерзла. Солнце будто нарочно торопится упасть сегодня раньше обычного. Я понимаю, вы этого не заметите, но для меня с наступлением темноты как будто уходит надежда. Мы всегда так любили море, задыхаясь каждый раз вдаль. Наши волосы вкуса соли, глаза цвета волны в закат, оно не обидит, не заберёт тебя, не поглотит. Крик срывается с губ. Не сдержала, прости. Ты говорил, в лодке спокойно, как дома. Рассказывал, что боишься летать, потому что самолёт поднимается на высоту в несколько километров, а лодка опускается всего-то на четыреста метров. Только Денис мешает постоянными шуточками, которые ты уже выучил наизусть. Вдвоем вы обязательно что-нибудь придумаете, я знаю. Уже придумали. Мне сказали, воздуха осталось максимум на несколько часов, но я не верю. Я им не верю...

Помнишь, когда что-то шло не по плану, ты приходил и клал голову мне на колени? Я перебирала руками твои волосы и тихо напевала нашу песню...

...В тех краях, где солнце гаснет в море,

Я узнаю по соленым брызгам,

Что вернётся мой любимый вскоре...

И всё обязательно налаживалось. Я здесь, родной, перебираю твои волосы и тихонько пою. Слышишь? Мой голос летит над водой, опережая ветер и быстрых чаек. Даже волны как будто стихли к ночи, освобождая ему путь.

...День за днём с суровым штормом споря...

Слушай меня, думай, борись, главное – не засыпай. Нам нельзя терять ни минуты. Вас уже ищут, квадрат за квадратом, но тебе надо придумать, как поднять ее на поверхность. Денис всегда шутил: не бывает безвыходных ситуаций, даже из подводной лодки есть куча выходов. Я молю тебя, ищи.

Мне принесли еду. Переживают. Я служу здесь уже несколько лет, наша база всегда была как одна большая семья. Я почему-то вспомнила, как ты кормил меня мороженым и всю перепацкал, а потом впервые поцеловал, потому что ни у кого из нас не было салфеток и ты сказал, что знаешь верный способ. А в парке играл оркестр, и ты пригласил меня на танец. Я была на высоких каблуках и очень переживала, что упаду, а ты почувствовал и сказал «не бойся». И это было прекрасно. Глупо, наверное, но я тогда поняла, что искала тебя всю жизнь. И наконец нашла.

Я просто не могу теперь тебя потерять.

Где-то за спиной зажгли огромные прожектора, и мощные лучи света пробивают темноту до самого горизонта, сжигая на своем пути все тени. Я заставляю себя встать. Ноги не слушаются, словно чужие.

Вставай, любимый, тебе нельзя спать.

Иначе будет поздно...

...Поздно. Это конечная... Регенерация отключилась. Патрон иссяк, остался последний. Подключу позже. Потерпим немного. Не привыкать. Все-таки в лётчики надо было. Да хоть бы и в лепешку, зато мигом, враз. В глазах темнеет. Тело не слушается. Надо бы отстучаться парням, да только какой теперь смысл. Патрона хватит часа на два от силы, а нас, похоже, так и не нашли. Мать вашу, если нашли – чего возитесь?! Сознание отчаянно цепляется за жизнь. Не сдержавшись, делаю глубокий судорожный вдох, втягивая последние молекулы кислорода. Я только сейчас осознал, что обманул тебя, поклявшись защищать всю жизнь. До последнего вдоха. Хотя... как посмотреть. Вспомнил, как мы с Дэном давали присягу – один из самых ярких дней. И это ощущение, что я там, где должен быть, это чувство единства, я видел слезы в глазах Дэна и понимал – он чувствует то же самое. Как же хочется сделать вдох. Но вокруг словно вакуум. Черный бездонный космос. Ты как будто что-то хотела сказать на прощанье, но передумала, сказала, будет сюрприз. И улыбнулась. Едва-едва. Твое тепло, твоё дыхание. Оно проникает сюда, в эту ледяную могилу, сквозь сталь и воду. Могилу. Прямо вижу её. Мичман Головин, «героически погиб, выполняя священный воинский долг». Тьфу, позор. На учениях. Ладно бы в реальном бою. Как хочется спать... Как будто тоже засыпая, тускнеет аварийный фонарь, разбрасывая вокруг черные тени. Да, нужно было идти в лётное. Что это? Короткий глухой стук за переборкой. Дэн... сознание потерял? Дэн!... Очнись! Услышь меня. Стучу. Ору, срываясь на хрип от удушья. Не сдавайся! Всё, ребята, всё-всё, меняю. Наши последние два часа. Господи! Дай знать, что сигнал уже принят, что передан куда следует. Возможно, сейчас они уже решают, как доставать нас из этой бездны. Остается только верить и экономить последние граммы живительного кислорода. Сколько прошло времени? Час? Сутки? Вечность...

...Вечностью. Каждая минута кажется мне сейчас бесконечностью.

Приехала жена одного из матросов. Невероятно – сказала, ей приснилось, что лодка утонула. Ее не пускали: закрытый объект, она кричала, требовала, угрожала дойти до президента если сейчас же не объяснят, в чём дело. Там пытались сначала приструнить, утихомирить, потом пришел командир спасательной операции, посадил перед собой и показал ей карты глубин, объяснил спокойно: маячок не работает, лодка в режиме тишины, найти не могут, ребята работают без перерыва. Делают все возможное. Она ещё что-то предъясвляла, но уже тише. Сейчас вот сидит в машине рыдает. Все поняла... Ко мне подходила, мол, как вы такая спокойная, не переживаете совсем? Не понимает, глупая, что я сейчас – твой воздух.

И не буду растрчивать его на истерики.

Час за часом, ночь потушила звезды, дело идет к рассвету.

Я коснулась рукой глади воды, вязкое и спокойное, море податливо лизнуло ладошку. Передай ему, пожалуйста, мой пульс. Ровный, ритмичный, уверенный. Передай, что 15 минут назад сигнал маячка засекли совсем не там, где вас искали и первая водолазная команда уже обследовала место аварии. Основные силы уже идут в нужный квадрат. Значит, ты придумал, как его подать. Скажи ему, море, что продержаться осталось совсем чуть-чуть, что он сможет, потому что сдаваться за шаг до победы нельзя. Мне сказали, глубина позволит поднять вас за кратчайшие сроки, нам повезло. Так и сказали – повезло.

Я буду ждать тебя здесь, сколько понадобится.

Мы будем ждать, потому что нас двое.

Чувствуешь?...

...Чувствую вибрацию.

Пытаюсь понять, где я. Фонарь практически погас. Меня окутывает желтоватый свет, словно бы тусклое предрассветное солнце. Вокруг тишина. Регенерация умерла первой.

Я хочу ударить по обшивке, но руки не слушаются. Два вдоха спустя я поднимаю кувалду, но с грохотом роняю на пол, мучительно ожидая ответный стук. Снова чувствую вибрацию. Кажется, у тебя получилось, Голова...

По щеке скатилась слеза.

Дэн молчит, а, может, их уже достали.

Шум снаружи все отчетливее. Они совсем рядом.

Холод спутал буквы и все, что я могу...

...Шептать твое имя.

Чурин Михаил Юрьевич – родился в 1956 году в Феодосии. Окончил Горьковский институт инженеров водного транспорта. 25 лет отработал на судах, последние 17 лет капитаном. Капитан дальнего плавания. Директор института «Морская академия» ВГУ водного транспорта, кандидат технических наук, доцент. Живёт в Нижнем Новгороде.

День Военно-Морского Флота

Каждый год, в последнее воскресенье июля, мы отмечаем День Военно-Морского Флота страны – всероссийский праздник наших военных моряков.

И каждый раз, отмечая этот праздник, или только при упоминании этого дня, я всегда с трепетом вспоминаю свое первое сознательное участие в этом торжестве. Это было очень давно, я был совсем маленький, мы жили на юге, в небольшом городе, в частном доме на берегу Черного моря. Я только что проснулся, о, радость: отец оказался дома. Это был уже изначально для нас с мамой праздник – отец редко по утрам бывал дома, да и вечерами тоже.

– Сынок, сегодня у нас праздник, я пришел за вами. Будем участвовать в торжестве все вместе, всей семьей. Давай вставай, приводи себя в порядок, и мы пойдем все вместе на корабль. Собирайся.

– А какой сегодня у нас праздник?

– Володя, тебе, как сыну командира, пора бы уже знать, что сегодня День Военно-Морского Флота страны.

– Вот здорово. И как мы будем его отмечать?

– Придем на корабль, и все узнаем, – был ответ военного моряка.

Я быстро умылся, оделся, привел себя в порядок. Завтрак был уже приготовлен, мы дружно все

вместе сели за стол. Быстро позавтракав, мы вышли на улицу. Как сейчас помню, был жаркий солнечный день. Яркое утреннее солнце пробивалось через зеленые кроны деревьев, возвышающихся в скверах рядом с домом. Оно уже начало прогревать земную поверхность, и от этого становилось жарко. Отец в белой парадной форме, с блестящими золотыми пуговицами и такими же погонами, шел рядом с нами. На боку у него был закреплен морской красивый кортик. На голове красовалась фуражка с белым чехлом и с такими же золотыми кокардой, ремешками и листьями на черном козырьке. Но наибольший восторг у меня вызвали его абсолютно белые туфли. Мы с мамой старались не отставать, быстрым шагом следуя за отцом. Мама одела свое самое красивое платье, а я шел рядом в белой, как у папы, рубашке и в коротких серых шортах. Летом я обычно ходил именно в шортах.

Мы быстро дошли до главной проходной военного порта. Нас на удивление пропустили быстро – видимо, папа заранее решил все вопросы касательно нашего присутствия на празднике. И вот мы уже у трапа папиного корабля, ошвартованного кормой к причалу. У трапа находился вахтенный матрос в белой парадной форме, включая белый ремень и такие же белые перчатки. От легкого ветерка, дующего с моря, на корме развевался военно-морской флаг: белый с синей полосой внизу и с большой красной пятиконечной звездой и такими же красными серпом и молотом. Нас уже встречали: у трапа стоял, как я потом понял, старший помощник.

Первым на трап поднялся папа. Старпом, приложив ладонь к козырьку в торжественном приветствии, отдал честь командиру, затем доложил о состоянии дел на корабле. Дождавшись окончания доклада, вслед за папой стали подниматься по трапу и мы с мамой. Вахта с такой же ответственностью отдала, неожиданно для нас, честь и нашей маме. Все же жена командира, а это обязывает. Мама, немного растерявшись, поблагодарила вахтенных за столь особое внимание к её персоне, и мы прошли на корабль. Папа сразу же провел нас на мостик. Отсюда было видно весь корабль и даже рядом стоящие корабли. Было очень интересно и красиво. Море даже у причала играло множеством ярких бликов на водной поверхности. Да и на мостике, как мне показалось, было не так жарко, как в городе. Все же легкий ветерок мог справиться с палящим береговым зноем.

Затем была проведена небольшая экскурсия по кораблю. Её нам провел корабельный штурман, так как папу отвлекли для решения каких-то неотложных вопросов. Чуть позже состоялся праздничный обед в офицерском салоне. А далее получилось так, что мама заторопилась домой, хотя я думаю, что она решила просто не отвлекать папу от его дел, а может быть, они заранее согласовали этот вопрос, так как после обеда корабль был должен выйти на ближний рейд и стать на якорь.

Мама отправилась домой, её проводил до проходной тот же штурман, а я остался на борту корабля у папы. Я присутствовал на мостике во время отшвартовки. Мне очень понравились четкие папины команды и такие же четкие ответы на них. Я видел, как матросы отдавали швартовы, как наш корабль отходил от причала. Впечатлений от этих слаженных действий было огромное количество. Все это выглядело просто фантастически, просто великолепно. Корабль вышел на рейд и стал на якорь. А далее то ли от переизбытка впечатлений, то ли просто от усталости мне захотелось отдохнуть. Штурман проводил меня в папину каюту, где я вскорости и уснул. Проснулся я уже на другое утро, корабль, как и прежде, стоял у стенки, ошвартованный кормой к причалу. Значит, я проспал и съемку с якоря, и короткий переход, и швартовку к причалу. В каюте я был один одинешенек. Мне стало страшно, и я заплакал. В каюту заглянул папа:

– Ну что, моряк, проспал все на белом свете. Даже швартовка тебя не побеспокоила. Сейчас давай умывайся. Позавтракаешь – готовься идти домой. Мама, наверное, уже беспокоиться начала. Старшина тебя до дома проводит.

– Какой старшина проводит?

– Старшина ответственный, старшина первой статьи. Это тот, кто вчера тебе рассказывал о флажном семафоре, о флагах. Понял?

– Папа, я все понял. А когда в следующий раз праздник будет?

– Володя, о каком празднике ты говоришь?

– Папа, я говорю о Дне Военно-Морского Флота.

– Следующий День Военно-Морского Флота будет через год. Ты к тому времени подрастешь немного, может быть, и спать тебе не захочется, как в этот раз.

– Папа, я буду ждать следующего праздника.

– Это хорошо, что тебе понравилось. Постараюсь и на следующий год вам организовать экскурсию. А пока давай завтракать и собираться домой. Мама ждет, понял?

– Понял.

Дома я взахлеб рассказывал маме, как мы выходили на рейд, как все было интересно. О своих слезах я маме говорить не стал. Было немного стыдно за то, что мне стало страшно одному в каюте. Думаю, что и папа не был бы в восторге, если бы я все же поделился этим с мамой.

Вот такие яркие впечатления остались у меня после первого моего реального участия в праздновании Дня Военно-Морского Флота. Это были впечатления детские, но эти яркие впечатления остались у меня на всю жизнь.

Кораблекрушение

Теплоход следовал Ирландским морем. До порта назначения оставались сутки ходового времени. Во второй половине дня погода стала резко портиться – ветер пошел на усиление с заходом на северные направления. Появились и первые волны, которые с дальнейшим усилением ветра стали стремительно превращаться в высокие водяные горы. Теплоход пока что успешно продолжал рейс, все более зарываясь в набегавшие встречные волны. А что вы хотите? Ноябрь месяц в этих краях ничего хорошего морякам не сулил. Шторма – обычное дело в это время года.

К вечеру ситуация значительно ухудшилась. Огромные волны, казалось, уже сами наезжали на носовую оконечность теплохода. Ветер, не переставая, свистел в судовых снастях. Даже в густой темноте штормового моря можно было рассмотреть ревущую поверхность воды, ставшей белой от пены. Скорость теплохода упала, и теперь капитан, почти не сходявший с мостика, вновь и вновь прикидывал время подхода к порту назначения.

В ноль часов на вахту заступил второй помощник капитана.

– Владимир, погода продолжает портиться, скорость падает, поэтому место судна контролировать постоянно. Пока движение вперед есть. Я спущусь к себе, если что – сразу звони, я у себя в каюте.

Второй помощник с заступлением на вахту сразу отметил, что в этот раз судно испытывает значительную продольную качку – нос судна то стремительно проваливался в основание набегавших огромных волн, испытывая сильнейшую вибрацию с налетающими на надстройку потоками воды, то с огромным трудом карабкался на вершину очередной водяной горы, задирая фок-мачту высоко в небо. Владимир обратился к своему матросу, крепкому детине, старше помощника лет на десять:

– Сергей, что-то в этот раз нам с погодой не повезло. Я, честно, и не припомню, чтоб нас так трясло.

– Владимир Иванович, не надо наговаривать. Всякая погода бывает! Прорвемся!

В два часа ночи капитан вновь был на мостике. Он поднимался на мостик почти каждые тридцать минут. Было очевидно, что он очень обеспокоен погодными условиями. Каждый раз он подходил к приемнику «Navtex» и просматривал новые сообщения. Ничего утешительного или обнадеживающего не поступало. Прогнозы по-прежнему давали устойчивый ветер северных направлений до десяти-одиннадцати баллов. В три ночи капитан находился на мостике. Он долго стоял перед лобовым иллюминатором, всматривался в ночной штормовой горизонт. Да, волны были огромны! Судно дрожало от каждого удара водяных валов. Казалось, что теплоход после каждой встречи с волной задумывался: а стоит ли продолжать движение, не лучше ли тут же приступить к штормованию посередь моря.

Капитан спустился к себе в каюту. Не прошло и десяти минут, как теплоход наехал на очередную крупную волну. Но это была волна-великан. Теплоход лишился хода, корпус задрожал крупной дрожью. А после сразу же раздался сильнейший треск и скрежет. Владимир почувствовал, как надстройка начала заваливаться на правый борт. В это же мгновение на мостик взбежал капитан. Он включил главные прожектора, и все присутствующие на мостике увидели, как за крышками второго трюма образовался прогиб главной палубы. Причем носовая часть теплохода еще пыталась держать заданный курс, в то время как кормовая уже получила крен на правый борт.

– Марш на шлюпочную палубу, – закричал капитан. Он подбежал к стойке аварийной радиосвязи, откинул защитную крышку, начал давить красную кнопку подачи сигнала бедствия.

– А вы?.. – начал было второй помощник.

– Приказываю! Всем на шлюпочную палубу готовить спасательные плоты.

Капитан включил внутреннюю громкоговорящую связь: «Внимание, команде собраться на шлюпочной палубе. Срочно! Ребята, срочно!»

Второй помощник с матросом, прихватив спасательные жилеты, предназначенные для вахты, выскочили на открытую палубу. Перед этим Владимир передал жилет капитану:

– Андрей Григорьевич, ради Бога, возьмите. Мы вас ждем на шлюпочной палубе.

Крылья мостика и шлюпочная палуба неожиданно осветились лампами палубного освещения – это капитан включил свет на открытых палубах. И от этого второму помощнику капитана стало очевидно, что судно тонет, стремительно погружаясь в штормовые воды Ирландского моря. Крен уже мешал перемещаться по палубе. Владимир все же добрался к леерам правого борта – иллюминаторы кают главной палубы были уже в воде. Свет на шлюпочной палубе пропал так же неожиданно, как и был включен. И все же Владимир успел заметить, что ночная вахта машинного

отделения во главе со старшим механиком, облаченная в спасательные жилеты, также появилась на шлюпочной палубе. Похоже, что они были не одни, ему показалось, что и другие члены команды поднимались вслед за ними с места сбора команды. Еще не совсем проснувшиеся и практически раздетые. Но он был уже не совсем уверен: видел ли это он на самом деле или это ему показалось, так как в следующий момент освещение пропало, все погрузилось в сплошную тьму, заполненную только свистом ветра и звуками ударов волн.

Крен стремительно увеличивался, какие-то незакрепленные предметы на палубе начали свое движение к правому борту. «Это наверное спортивные гири поползли к борту. Наш спортсмен-матрос Игорь опять их не убрал на место», – успел подумать второй помощник. В следующий момент он почувствовал, что вслед за гирями сам сползает к правому борту. Он еще пытался ухватиться за что-нибудь из судовых конструкций, и ему это почти удалось, но кормовая часть теплохода, все более и более заваливаясь на правый борт, стремительно продолжила свое последнее погружение.

Владимир оказался в воде, в холодной воде. Поначалу он и не ощутил её, так как все мысли были заняты одной лишь задачей – необходимо было удержаться на поверхности штормового моря. В ушах по-прежнему свистел ветер, только он приобрел какой-то новый оттенок, может быть, стал менее резким. Впереди себя он не мог различить ничего, только колебания воды и брызги, слетающие с поверхности штормовых волн. Сколько это продолжалось, он не мог определить, но леденая вода делала свое дело – он стал замерзать. Он чувствовал это всем телом. Сколько он сможет продержаться? Совершенно неизвестно.

Вдруг, совершенно неожиданно, сквозь рев ветра он услышал шипящий звук наполняющегося воздухом спасательного плота. Он должен быть где-то рядом. Да вот он где! Сквозь ночную темень Владимир увидел оранжевое пятно, появившееся на поверхности. До плота было метра три-четыре. Владимир, ценой огромных усилий, подплыл к раскрывшемуся плоту, рукой вцепился за спасательный леер. «Теперь необходимо немного успокоиться и найти вход в спасательный плот», – решил второй помощник. Цепляясь за леера, он стал обходить плот – вот он и вход. Вскоре он смог в него взобраться и сразу же стало теплее. Пронизывающий ветер, а самое главное, холодная вода прекратили своё губительное воздействие. «Так, самое главное удалось все же выполнить. Теперь остается только ждать!»

Но просто ждать не получилось. Владимир чутьем уловил присутствие рядом кого-то из членов экипажа. Он открыл шторки входа и позвал:

– Кто здесь рядом? Отзовись!

В ответ Владимир услышал то ли всхлип, то ли вой.

– Кто здесь? – Владимир повторил вопрос, пытаясь разглядеть на поверхности моря кого-то из членов экипажа.

– Кто здесь?

В ответ прозвучал настоящий, но очень тихий крик. Было очевидно, что человек кричал из последних сил. Владимир разыскал складные весла и попытался направить плот в том направлении, откуда, как ему показалось, кричали. Вот на поверхности моря появился светлый овал. Кто это – Владимир разобрать не мог. Он протянул весло в сторону спасавшегося:

– Хватайся, хватайся. Я тебе помогу.

Владимир почувствовал, как кто-то схватил другой конец весла.

– Держись! Держись крепче! Я тебя вытащу.

Владимир начал тянуть весло на себя. Вот он кого вытаскивал! Спасенным оказался его матрос по вахте Сергей. Помощник схватил матроса за его спасательный жилет и пытался втянуть его внутрь спасательного плота. Здоровенный матрос никак не мог преодолеть последний рубеж – его необходимо было втянуть внутрь плота. Владимир пытался ему помочь как мог, но у матроса, казалось, силы были на исходе. Владимир начал уговаривать матроса собраться и все же совместными усилиями вскарабкаться в плот. Кое-как понемногу матроса все же удалось втащить в плот. Помощник закрыл шторы плота, а затем лег рядом с матросом, пытаясь его согреть. В этот момент детина-матрос разрыдался. Его трясло крупной дрожью. Помощник стал его успокаивать:

– Сергей, давай прекращай. Самое главное, что мы оказались на плоту. Я надеюсь, что самое страшное позади. Давай успокаивайся.

Матрос стал приходить в себя. Владимир и представить себе не мог еще хотя бы вчера вечером, что такое может случиться, что ему придется одному втаскивать в плот этого детину-матроса. Он приоткрыл шторы входа. Да, уже светает. Значит, с момента аварии прошло часа четыре. Вдруг он услышал звук работающего пропеллера, а если точнее, всего скорей, вертолета. Владимир отыскал пакет с плавучими дымовыми шашками. Он быстрым движением привел в действие дымовую шашку и выкинул её в воду. Она сработала, через секунды она начала извергать мощные заряды оранжевого дыма, из-за сильного ветра, стелящегося по поверхности моря. Теперь оставалось только ждать.

Ждать пришлось совсем недолго. Звук работающего вертолета начал приближаться и вскоре заполнил все пространство вокруг желтого, одиноко болтающегося в открытом море спасательного плота. Владимир выглянул из-за шторок: да, так и есть, вертолет береговой охраны Британских военно-воздушных сил завис над плотом. Вся поверхность вокруг плота покрылась дополнительной круговой рябью. Владимир смотрел на вертолет, на котором открылась боковая дверца. Владимир видел, как экипаж вертолета начал готовить шторм-трап для проведения спасательной операции по эвакуации людей, выживших после кораблекрушения...

* * *

На курсы повышения квалификации по возобновлению морских рабочих документов прибыл необычный молодой человек. Необычность его заключалась в том, что на предложение руководителя курсов предъявить необходимые для зачисления на курсы документы он вынул из портфеля всего один лист, упакованный в обычный файл. Руководитель курсов взял в руки предъявленный документ и с интересом просмотрел его. Документ вызвал огромный интерес: он был составлен на английском языке и заверен двумя огромными синими печатями, одна из которых принадлежала Береговой охране Великобритании.

Руководитель курсов с интересом прочитал документ, в котором сообщалось, что предъявитель сего документа является вторым помощником теплохода (далее было указано название судна), который потерпел кораблекрушение в Ирландском море. Далее сообщалось, что предъявитель сего документа был спасен силами береговой охраны Великобритании. Документ информировал, что в результате гибели судна все личные документы второго помощника были утеряны.

Руководитель курсов задумался, а затем после продолжительной паузы поинтересовался:

– А сколько всего из экипажа удалось спасти людей?

– Из всего экипажа нас спаслось только двое.

– Кто?

– Я и мой матрос, стоявший со мной на вахте, – был ответ Владимира.

– И ты решил продолжить службу на флоте?

– Да, я буду продолжать начатое дело. Мне без моря нельзя.

– Похвально. Тогда вам необходимо прежде всего восстановить все ваши документы, а затем мы займемся восстановлением морских рабочих документов.

Что и было сделано в самое кратчайшее время. Вскоре Владимир вновь ушел в море.

Макаров Андрей Викторович – родился в 1962 году. Окончил Ленинградское Арктическое училище, после чего десять лет отработал на судах 6-ой Атлантической экспедиции ВМФ. Был военным журналистом, работал в милиции. Лауреат более двадцати литературных премий и конкурсов, в том числе золотой лауреат нашего конкурса маринистики 2020 года. Член СПР. Живёт в Москве.

Адмирал до понедельника

Капитан первого ранга стоял у стола с полным бокалом в руке. Лицо светилось, сверкали ордена и медали. Ему протянули шитую золотом звезду. Он положил ее в бокал, звезда не утонула, плавала на поверхности.

Гости притихли. Музыканты ждали.

Капитан первого ранга притопил звезду пальцем, но та сопротивлялась, выныривала, словно поплавок. Борьба затянулась.

– Иваныч! Пуговицей с гербом замени! – посоветовал кто-то за банкетным столом.

Капитан первого ранга улыбнулся, отодвинул ее, аккуратно выпил до дна бокал и поцеловал звезду. Кашлянул в кулак и отрапортовал:

– Представляюсь по случаю присвоения воинского звания контр-адмирал!

Грянул оркестр. Капитан первого ранга поставил пустой бокал, повернулся и строевым шагом вышел из банкетного зала.

Оркестр с марша перешел на «Растаял в далеком тумане Рыбачий», гости накладывали еду в тарелки и переговаривались.

– Повезло Иванычу...

– Везет тому, кто везёт!..

– Должность гражданская, а адмирала присвоили...

– Глубже копай, должность гражданская, но в кадрах ВМФ остался. И должность – ректор! В год сотни офицеров запаса выпускает. Военно-морская подготовка по полной программе...

– Чего ж звезда не утонула?..

– У офицеров звезды металлические, у адмирала шито золотом по ткани...

– Первый раз увидел, как сам член Политбюро обнял и о звании объявил...

– Завтра командующему флотом представится и служи дальше...

Гости недолго оставались одни. Открылась дверь. На пороге в адмиральской форме стоял виновник торжества. Ордена и медали перекачывали на новый китель. Шитые погоны на плечах, пуговицы с

гербом СССР. На рукавах к широким нашивкам капитана первого ранга прибавилась еще одна. Он словно подросток, плечи развернулись. А еще, будто помолодел.

Гости поднялись, зааплодировали. Все понимали, зашел другой человек. Адмирал. Обратиться к нему, как прежде, «Иваныч», язык не повернется.

Налили-выпили. Один из гостей попросил:

– Евгений Иванович! Товарищ адмирал! Расскажите, как дело было?

И он в который раз рассказал, что приехал в город с визитом член Политбюро ЦК КПСС и депутат Верховного совета товарищ Шелепин. Вручал ордена и медали, почетные грамоты Верховного совета, увидев его, улыбнулся, обнял и объявил: «Евгений Иванович! Товарищ капитан первого ранга! Поздравляю вас с присвоением звания контр-адмирал!»

В разгар торжества зашел помощник.

– Товарищ адмирал! Старую форму куда девать?

– Отправь ее к..... – закончил крепким словцом адмирал.

Все засмеялись.

На следующее утро строй курсантов, печатая шаг, прошел мимо. Адмирал напутствовал их по-ленински: «Учиться, учиться и еще раз учиться», а сам, прихватив бутылку коньяка, поехал представляться к старшему морскому начальнику – командующему флотом.

Ехал и размышлял. Объявил ему о присвоении звания самый молодой член Политбюро. Поговаривали, что будущий генеральный секретарь. Глянет новый генсек список кандидатов на должности командующего флотом и скажет: «Этих не знаю, где мой крестник?». Так, не только командующим флотом, но и главкомом можно стать!

В розовых мечтах дорога пролетела. И к командующему пропустили сразу, ждать, как раньше, в приемной не пришлось.

– Товарищ командующий! – рявкнул он, – представляюсь по случаю присвоения...

– Евгений Иванович, – перебил его командующий флотом, – расскажи подробнее, что за штука со званием у тебя приключилась?

– Какая штука? – улыбнулся адмирал. – Товарищ Шелепин, член Политбюро и депутат Верховного совета, вручал награды, потом объявил мне о присвоении очередного звания контр-адмирал, при первом секретаре обкома, председателе горисполкома. И ваши там были, начальник политуправления флота со всеми меня поздравил.

– Поздравил, – согласился командующий, – ты скажи, товарищ Шелепин тебе это до банкета объявил или позже?

– Как-то посередине получилось.

– И где сейчас товарищ Шелепин?

– Убыл в Москву.

– Тут такое дело, мне начпо в тот же день доложил, заказали тебе поздравительный адрес и позвонили в Москву, чтобы в него номер и дату вписать, а в кадрах ничего не знают.

– Товарищ, командующий! Давайте позвоним товарищу Шелепину! Выходные просто, бумаги зависли у кого-то на столе, знаете, как бывает...

Они глянули на «вертушку» – телефон прямой связи с высшим начальством в Москве, потом на плакат на стене.

На плакате первым генеральный секретарь, за ним члены Политбюро. Последние по алфавиту товарищи Суслов, Шелепин, Щербицкий.

Не может никому из них командующий флотом позвонить. Не его уровень. Его пока даже кандидатом в члены ЦК КПСС не избрали.

Командующий посмотрел на адмирала в новенькой форме. Знали они друг друга с довоенных лет. С разницей в два года закончили одно училище. Мало однокашников уцелело, кто в войну погиб, кого репрессировали. Воевали на разных флотах, командующий на Балтике, Евгений Иванович всю войну на Севере.

– Ты, Иваныч, езжай, отдохни, позвони с утра, мы к этому времени разберемся.

Оставшись один, командующий флотом вызвал кадровика.

– Товарищ командующий! – доложил тот, – с Москвой связался. Никаких представлений не было, постановление не выходило. На местах только дежурные, кивают друг на друга, никто не в курсе, говорят, ждите понедельника.

Новоиспеченный адмирал вернулся в город. Машину отпустил и решил пройтись. Зря он это сделал. Новости, как круги по воде расходятся. Ректор главного городского вуза! Кто у него учился, кто детей устраивал, кто по работе пересекался. Весь город знает. Подходят, здороваются, поздравляют.

Поймал такси и приехал в училище.

– Товарищ контр-адмирал! – отрапортовал дежурный, – за время вашего отсутствия...

– Потом! – оборвал он его.

В приемной очередь, и в выходной люди с делами пришли, а на самом деле поздравить.

Адмирал зашел в кабинет.

Зазвонил телефон. Он снял трубку.

– Товарищ адмирал! От имени... и себя лично... – бодро начал кто-то.

Не дослушал и повесил трубку. Когда телефон вновь зазвонил – нажал кнопку отбоя и положил трубку на стол.

На подносе графин и стакан. Адмирал достал приготовленную для командующего бутылку, открыл

ее, налил в стакан коньяк. Выпил и посмотрел на плакат на стене. Такой же, как у командующего флотом.

Члены Политбюро. Вожди! Портреты курсанты на палке носят 1 мая и 7 ноября. Да что курсанты?! Вся страна! В Москве они сами на себя с трибуны мавзолея смотрят.

Он сел, положил руки на стол, адмиральские нашивки и звезды перед глазами. Заслужил ли он их?

Год мирного времени после училища. Потом, одна за одной, три войны. Советско-финская. Его – молодого лейтенанта – направили в разведку ВМФ. В радиоперехват. Отслеживали финские станции, пеленговали их, больше учились. Как эта школа пригодилась на войне с немцами!

Принимали немецкие радиogramмы и наваливались на них, голову ломая, кто отправитель и адресат, что в них зашифровано. Потом с потопленных фашистских кораблей и затонувших самолетов водолазы подняли сигнальные книги и кодовые переговорные таблицы.

Набив руку, читали донесения постов службы наблюдения и связи в районе Варангер-фиорда, знали о движении немецких караванов, наводили на них наши корабли и самолеты, предупреждали о налетах свои корабли и суда.

Научились расшифровывать метеосообщения фрицев. Летчики и моряки, получая перед вылетом или походом прогноз погоды, не подозревали, что они с фашистских метеостанций!

А командование все новые задачи ставит. Одна из них главная. С начала войны. С сорок первого года летчики на бомбежку Киркенеса летают. Там и корабли, и склады фашистов. Прикрытие у порта мощное, не подступиться. Бомбили чаще ночью, малыми силами, нецельно.

Очередной радиоперехват лег на его стол. Сосредоточенная работа дешифровальщиков, и вот на листе вместо цифр короткий текст на немецком.

Прочитал и с листом в руках побежал к начальнику разведотдела штаба флота капитану второго ранга Леониду Бекреневу.

Капитан второго ранга пробежался по тексту. Поднял глаза и внимательно посмотрел на него.

– Начальник штаба флота на выезде. Идем к командующему.

В приемной адмирала Арсения Головки не протолкнуться. Бекренев наклонился и что-то шепнул адъютанту.

Тот зашел к командующему, спустя минуту вышел и пригласил в кабинет офицеров.

– Товарищ командующий флотом! – начал доклад Бекренев. – По результатам расшифровки данных радиоперехвата сегодня перебазированы «мессершмитты» с аэродрома прикрытия Киркенеса Луостари.

Командующий повернулся к карте. Потом внимательно посмотрел на офицеров.

Если ошибка? Если радиogramма подана специально, чтобы заманить нас? Если истребители сегодня или завтра вернутся в Луостари? Кто тогда ответит?

Ответит начальник спецслужбы второго берегового отряда. Радиоразведка флота. Потому и взяли

его сейчас в кабинет командующего флотом. Молча стоять за спиной начальника. А в случае неудачи ответить за все.

По вызову явился командующий авиацией.

– Немедленно провести авиаразведку аэродрома Луостари, – распорядился адмирал Головкин, – в случае подтверждения данных радиоразведки бомбить Киркенес всеми силами...

На следующий день авиация флота поднялась в воздух. Он тогда не мог усидеть в кабинете, то и дело заходил к радистам, хватался за всякую перехваченную радиограмму фашистов. Только на следующий день истребители прикрытия фашистов вернулись в Киркенес. К горящим складам и потопленным кораблям.

К концу войны стал капитаном третьего ранга, заработал боевые ордена и медали за срыв операций противника, за успешное проведение своих.

Перехитрить врага, а еще пройти по лезвию бритвы, работая с союзниками. Информацией делились с англичанами, одно лишнее слово и мог лишиться не только карьеры, но и головы.

Адмирал плеснул коньяк в стакан.

– За Победу!

Когда в сорок пятом все праздновали победу, его отправили на Дальний Восток. Победили Японию, думал отдохнуть, поступить в академию, а его откомандировали в Китай. И там война.

Получилось: вступил в бой лейтенантом, закончил воевать капитаном первого ранга.

Он не чувствовал крепости коньяка. Тихо в училище, спят в кубриках курсанты. За окном ночь, единственное окно в здании горит – в его кабинете.

После Китая назначение в Москву, в Генеральный штаб, казалось бы – служи спокойно дальше. Но начались сокращения вооруженных сил. Одно за одним. Крейсера на стапелях резали. Офицеров не знали, куда девать. В кадры вызвали, предложили ему – капитану первого ранга – после Москвы, Генерального штаба должность замначальника средней мореходки по военно-морской подготовке.

Прибыл сюда, тянул службу год за годом, перешел из средней мореходки в высшую, возглавил её, поднял, сделал лучшей. Страна тогда с нуля рыбную промышленность поднимала. Кадры были на вес золота. И он открывал новые факультеты, аспирантуру, потом доверили учить иностранцев. Честно заработал к боевым орденам два ордена Трудового Красного Знамени.

До последнего в кадрах ВМФ оставался. Все приказы подписывал как капитан первого ранга. Тогда и разговоры пошли, что его должность адмиральская. Военно-морскими училищами адмиралы командуют. И у него вуз закрытого типа, казарменное положение для курсантов, форма, военно-морская подготовка. Тысячи офицеров запаса подготовил. А скольких офицеров от увольнения спас, брал преподавателями на военно-морской цикл, в строевую часть, командирами рот.

Он вылил в стакан остатки коньяка из бутылки.

«Все меня знают: от министра до членов Политбюро!» – подумал и осекся.

Подошел к плакату, всмотрелся в портрет. Показалось, что товарищ Шелепин чуть улыбается, есть

что-то такое в его нижней губе.

Ночь прошла. Выходили на зарядку курсанты. Строились для перехода на завтрак.

Он посмотрел на часы, поднял трубку телефона и позвонил командующему флотом. Коротко переговорил с ним.

Снова подошел к плакату. Процедил:

– Кто ты такой, товарищ Шелепин, чтобы из моей жизни и службы анекдот делать?!

Посмотрел в зеркало и не узнал себя. На него смотрел пожилой адмирал.

Открыл сейф. Партбилет, ордена, достал из ножен кортик. Бессмысленное оружие, элемент формы. Воюя на Дальнем Востоке, много читал про Японию, самураев. Если затронута честь воина – меч в руки и харакири. Господи, где самураи и где члены Политбюро?! А его честь? Новая форма, марширующие курсанты, поздравлявшие его моряки, рыбаки и офицеры. Как с этим быть?

Он вернул кортик в ножны, закрыл сейф и вернулся за стол. Положил на стол лист бумаги.

Взял ручку и вывел: «Прошу уволить меня по собственному желанию».

Снял адмиральский китель и повесил его в шкаф. Среди формы нашелся гражданский костюм.

Год спустя доцент одной из кафедр высшей мореходки читал в аудитории лекцию. Курсанты нового набора не подозревали, что этот дед с рядами орденских планок на пиджаке еще недавно возглавлял их вуз. Читал увлеченно, подкрепляя сухую теорию конкретными примерами из флотской практики.

Прозвенел звонок. Старшина поднял курсантов и вывел их в коридор.

Преподаватель тряпкой стер мел с рук. Собрал бумаги в портфель. Он шел по коридору, наклоня голову, здоровался со встречными. Равнодушным взглядом скользнул по плакату на стене. Но, сделав еще несколько шагов, развернулся.

Строгие лица смотрели с портретов. Первый – генеральный секретарь, за ним, по алфавиту, члены Политбюро. Последние: товарищи Суслов, Устинов, Щербицкий.

Он заторопился в партком. Бросил на стол портфель и спросил секретаря:

– Новый плакат в коридоре. Где товарищ Шелепин?

– Товарищ Шелепин? – отложил секретарь ручку. – Товарищ Шелепин больше не товарищ. Состоялся пленум. Из Политбюро вывели. Теперь он просто Шелепин. Новые плакаты из обкома утром прислали.

Евгений Иванович сел за стол. Многолетнее монолитное «товарищ Шелепин» распалось на глазах.

– За что его? И куда?

– Разве нам скажут? – секретарь оглянулся на дверь и прошептал:

– По радио искал «Маяк», да опять на «Голос Америки» наткнулся. Сказали: Шелепин при визите в Англию ляпнул что-то. Может, – подмигнул секретарь, – какого-нибудь лорда или пэра со званием генерал-майора поздравил, или еще что-то отмочил. Так что, пока он еще депутат, но в ближайшие выборы его из Верховного совета турнут. Поскольку, по новой должности не положено. Он теперь начальник ПТУ – профессионально-технических училищ.

– Пэтэушник! – презрительно заключил доцент и поднялся. Перерыв между занятиями заканчивался, надо было торопиться в аудиторию читать лекцию.

Александр Ралот – это литературный псевдоним известного Краснодарского писателя Петренко Александр Викторович, который родился в 1954 году. Окончил Краснодарский политехнический институт по специальности «Технология хранения и переработки зерна». Его яркая историческая проза публиковалась в известных периодических изданиях России, Германии, Болгарии, Франции, Италии... Член СПР. Лауреат, дипломант множества литературных конкурсов, в том числе нашего конкурса маринистики. Живет в Краснодаре.

Что положено, то отдай!

1798 год. Зимний дворец. Кабинет императора Павла Первого

– Значит, так! – Скрестив руки на груди, самодержец расхаживал по кабинету, то и дело поглядывая на стоящего с папкой в руке начальника Коллегии иностранных дел Никиту Ивановича Панина, – опишите в Великобританию, что государство Российское согласно принять участие в новой европейской коалиции против Французской республики.

– Будем вместе с ними, а также с союзниками нашими: Австрией, Неаполитанским королевством... и... Портой Оттоманской громить революционеров французских. Станем с божьей помощью наступать на них по всем фронтам! Поперву предлагаю изничтожить созданную ими систему малых «республик». Для решения оной задачи предлагаю без всякого промедления послать в Южную Италию против Римской и Парфенопейской республик нашу эскадру под командованием адмирала Ушакова, а они, как зачинатели сей... авант..., я хотел сказать... баталии, пусть шлют корабли своего Нельсона. Граф, подготовьте документ и сей же час отправляйте его на их остров!

(В 18-м веке обе наши державы, объединившись, послали свои корабли в Средиземное море, дабы освободить от французов Ионические острова.)

Первое августа 1798 года. Залив Абукир

Капитаны французских судов находились на совещании на борту флагманского линейного корабля L'Orient. Три тысячи матросов этой эскадры были посланы на берег с задачей – запастись пресной водой. На всех французских кораблях вдоль батарейных палуб были выставлены извлечённые из трюмов пустые бочки. На закате смотрящие вперёд заметили приближение английских кораблей. Однако команды «к бою» не последовало. На L'Orientе наивно полагали, что ни в сумерках, ни тем более ночью Нельсон на атаку не решится. И зря! В 18:30 сигнальщики английского корабля передали сигнал «Огонь открыть!»

После блистательной победы над французским флотом адмирал Нельсон приказал линкору «Леандр» взять курс на Великобританию, дабы сообщить королю весть о том, что отныне французская армия, лишённая своего флота, прочно закупорена в песках Египта. Однако добраться до туманного Альбиона корабль не смог, ибо вскорости был перехвачен французами и отконвоирован на остров Корфу.

Стоянка русской эскадры близ Корфу

– Прибыли! Все живы?! Молодцы. Вольно. Садитесь, хлопцы-разведчики. Почитай, суток двое на ногах?! – Фёдор Фёдорович развернул на столе большую карту острова, – давайте двигайтесь поближе, да рассказывайте, чего у неприятеля высмотрели.

– В самой крепости гарнизон невелик, чуток поболее шести сотен будет. Однако к ейной главной крепости примыкает ещё парочка. Та, что на восток – старая, а на западе – по всему видать, новая. А на оконечности мыса, того, что с высоким утёсом, ещё имеется отдельная цитадель, от города отделённая рвом широким, – разведчик ткнул в точку на карте.

– И ещё видали мы там, со стороны моря, боновые заграждения с железными цепями, – второй матрос поднялся с места и провёл рукой по карте. Сходу туда ну никак не подойти. Заметят и расстреляют за милую душу.

– Ну, а с кораблями что? Посчитали, сколько их в гавани скопилось? – Ушаков обошёл вокруг стола и склонился над картой.

– Видали там их корабль «Женере» да «Леандр», у англичан отбитый, пленный, значит, да ещё одни – фрегат «Брюне»,

– Да ещё две галеры и четыре полугалеры. – Перебивая друг друга, докладывали разведчики.

Через несколько дней русские моряки освободили от французов все Ионические острова.

– По традициям флота морского захваченное у неприятеля судно есть законный приз победителя, – Ушаков похлопал по плечу капитана первого ранга Литвинова, – приказываю поднять на мачте линейного корабля «Леандр» Андреевский флаг! Опосля вместе подумаем, как его на русский манер переименовать!

Санкт-Петербург

– Никак мы переименовывать не станем. Англичанин Нельсон его захватил, значит, это есть его законная добыча, – Павел Первый стукнул кулаком по столу, – повелеваю:

Первое. Проявить по отношению к союзнице нашей – Англии – истинное рыцарское благородство и незамедлительно возратить ей этот «Леандр» точно в том виде, в коем он Ушакову достался.

Второе. Капитану Литвинову передать корабль сей лично... э... капитану Стефенну как полагается по протоколу, всенепременно с подписями и печатями.

Резиденция Английский короля Георга Третьего

– Кто-нибудь может мне объяснить, что это всё значит? – монарх размахивал стопкой бумаг, всматриваясь в лица лордов и адмиралов.

– Ваше высочество, Россия – безмерно богатая страна, и их правитель может себе позволить вот так запросто подарить нам корабль. Полагаю, это такой рыцарский жест, рассчитанный на нашу дальнейшую признательность, – молвил один из присутствующих.

– Все так считают?! – король положил бумаги на стол и, достав платок, вытер пот со лба: – Они там все сплошь... рыцари, а мы с вами джентльмены! И тоже до последней буквы чтим международное морское право. А оно гласит, что каждая страна имеет право выкупить захваченное судно по цене его реальной стоимости. Будем же благородны и отошлём в Петербург десять тысяч фунтов

стерлингов. (Баснословные деньги для офицера!) Пусть император Павел отдаст их в качестве приза тому капитану, команда которого овладела «Леандром». И проследите, чтобы наш посол Уитворт всё исполнил в точности и ничего не напутал и, главное, не присвоил!

1800 год. Россия

Самодержец взял да и рассорился с Англией, повелел, чтобы их посол Уитворт как можно скорее покинул столицу. После чего приказал спешно готовить новую военную кампанию, на этот раз против заносчивых и чопорных островитян!

Ну, а brave капитан Литвинов по завершении битв на Средиземном море вернулся на Родину и узнал, что ему, как офицеру, захватившему вражеский «Леандр», положена весьма кругленькая сумма, которую он сможет получить, но только после того как принесёт бумагу, самим государем подписанную! Brave капитан умел штурмом брать не только вражеские крепости и корабли, но и дворцовые кабинеты.

Через год почти ежедневной осады brave офицер был принят лично императором, который и УСТНО подтвердил, что денежный приз за захваченный корабль принадлежит капитану Литвинову и его команде! Более того, обещал послать людей, способных отыскать нужные бумаги в доме, некогда занимаемым английским послом. Возможно, поручение самодержца было бы исполнено в точности, но вот незадача, пару недель спустя императора заговорщики ударили табакеркой, после чего задушили офицерским шарфом.

Два года спустя

В Российскую столицу прибыл новый посол Великобритании. И, не откладывая дела в долгий ящик, перевел на расчётный счёт российского Министерства морских сил полагающуюся за «Леандр» сумму. Министр Павел Васильевич Чича́гов, увы, не имел понятия ни о каком устном обещании убиенного императора. Краем уха он слышал, что существует некая сумма английских денег, которую надо бы кому-то выплатить. И, не мудрствуя лукаво, он распорядился разделить деньги между всеми адмиралами и офицерами, отличившимися при штурме острова Корфу.

Литвинову опять не повезло. Он, выполняя приказ, был откомандирован для участия в очередной коалиции, и снова против Франции. В России его в ту пору не было – он принимал участие в очередной антифранцузской коалиции. На этот раз ему и его матросам предстояло спасти Неаполитанское королевство.

По возвращении домой brave офицер вновь обратился к императору, на это раз к Александру Первому. Новый самодержец тщательно изучил вопрос и уяснил, что выдавать уже нечего, ибо деньги уже розданы и потрачены! Но оставить офицера без заслуженного вознаграждения царь не пожелал!

– Ваше высочество, так ведь того, деньги заморские уже того потрачены, всё как есть, до последнего ихнего фунтика, то есть я хотел сказать – нашего рублика, – потея и переминаясь с ноги на ногу, оправдывался Чича́гов.

– Павел Васильевич! Вы понимаете, что я не могу отказать храброму капитану в его совершенно законном праве получить свои призовые! Это просто недопустимо. Что обо мне подумают на

флоте?! Царь наш не почитает вековой морской закон!

– Но, где? – Попытался возразить министр. Но самодержец глянул на него так, что тот посчитал за лучшее промолчать.

– Выдайте Литвинову 25000 рублей, а остальные оформите как долг вашего ведомства перед ним! Всё, ступайте. Более поручений к вам у меня на сей день не имеется!

– Ну что же, долг морского министерства – это всё же лучше чем совсем ничего, – капитан покрутил в руках официальную бумагу, затем спрятал её в сундук и стал терпеливо ждать.

Несколько лет спустя

Так уж распорядилась судьба, что бравый капитан вынужден был сменить морской китель на общевойсковую форму, но с сохранением чина полковника! Однако деньги ни с морского, ни с какого другого ведомства так и не приходили.

1812 год

Уезжая в действующее войско, Литвинов оставил своей жене Авдотье заветную бумагу, присовокупив к ней оформленную по всем правилам доверенность на получение причитавшейся ему суммы долга. Офицерской жене не было времени на оббивание порогов чиновничьих кабинетов, на её руках осталось пяток детей, мал-мала меньше. Но деньги были ох как нужны. Зарплаты мужа не хватало. И женщина написала письмо всемогущему канцлеру Румянцеву. Тот наложил свою резолюцию и переадресовал её просьбу военному министру Вязмитинову.

Прошло три года

Весь израненный вернулся домой полковник Литвинов. Ему уж точно было не до кабинетных вельмож. Кое-как протянул три месяца, да и предстал перед Господом. Вдова поняла, что отныне призовые деньги ей самой ни за что не получить. Посмотрев на пожелтевшие свитки, переуступила их купцу первой гильдии Ф. И. Юдину.

Поднаторевший в торговых делах купец тоже не смог победить бюрократические препоны.

– Господин Юдин, я вам уж в какой раз повторяю, – чиновник подошёл к просителю и смахнул с плеча того невидимую пылинку: – Вы же сами прекрасно осведомлены, что адмирал Чичагов после упущения самого Наполеона на реке Березине более не мог оставаться в нашей империи и убыл в неведомые мне края. И посему кому и сколько он выплатил призовых денег установить крайне сложно, ежели вообще возможно.

Спустя десять лет!

Теперь в борьбу за законные призовые капитала Литвинова включился его выросший сын,

отставной подпоручик лейб-гвардии Семёновского полка. Пару лет он потратил на тяжбу, нет, не с военным ведомством, а с купцом Юдиным. Тот никак не желал переуступить назад доверенность, подписанную Авдотьей.

И таки победил. Добился своего. Решил сам, не жалея времени и сил, обивать пороги властных кабинетов. Однако уже в тридцатом году, в сердцах и прилюдно, разорвал все бумаги, подписанные самим царём и его министрами. Дело в том, что в одном кабинете вместо полагающихся ему как наследнику денег с него самого потребовали аж восемь рубликов за изготовление очередной копии какой-то там крайне необходимой справки.

Вот и выходит, что захватить вражеский корабль гораздо проще, чем добиться от чиновников причитающихся по международному морскому закону призовых денег!

Школьный спектакль

Учительница истории Мария Ивановна Левентова не находила себе места. Поминутно заглядывала в каморку, расположенную за актовым залом, и в сотый раз спрашивала старшекласника с фамилией Подопригора, всё ли у него готово: звук, свет? Потом спешила в гримёрку, придирчиво оглядывая сшитые костюмы.

Затем украдкой рассматривала зал, до отказа заполненный учениками и родителями.

И после третьего звонка, накапала валерьянки и вышла на сцену.

– Дамы и господа, то есть, я хотела сказать, дорогие товарищи дети и взрослые, сегодня на ваш суд будет представлен спектакль под названием «*Корабль – продать! Деньги – раздать!*», в исполнении членов исторического кружка, коим я имею честь руководить.

И так перед вами, – она сделала знак Подопригоре и тот, кивнув, включил слайд, создавший на заднем плане сцены черты небольшого балтийского портового поселения.

– Всё что вы сейчас увидите не художественный вымысел, а правда. Ученики оживили один из эпизодов малоизвестной русско-английской войны.

Итак, перед вами русский гарнизон, расквартированный на месте нынешней Эстонии.

– Ваша благородь, дозвоьте доложить, – дозорный кавалерист вытянулся во фронт перед своим командиром, – во время обхода вверенной мне территории в море обнаружен гостевой, то есть купеческий корабль. Шторм там на море, не приведи, господь! Волны, величиной почти что с колокольню, бедолагу, и туды, и сюды мотат! Дозвоьте оказать помощь. Ведь потонут купчишки!

– Спасти души христианские дело святое, – штаб-ротмистр уланского полка Бароздич подошёл к окну и уставился на бушующее море. – Ну и куда ты, спасатель, попрёшься?! То есть, я хотел сказать, на чём? Насколько мне известно, в снаряжении улан лодки, и иные плавсредства, акромья коней, не предусмотрены.

– У местных попросим. Чай не откажут. С нами поплывут. Дело-то, богоугодное. Я уже с их старостой перетолковал. Скажу я вам, рыбак бывалый, ничегошеньки не боится. Он со всей ватагой готов подсобить.

Перед зрителями предстала палуба корабля и связанные спасатели.

– Сколько лет каперствую (*читай – пиратствую, с одобрения и по лицензии английского правительства!*), но такого ещё ни разу не было, – хохотал капитан небольшого корабля, отхлёбывая из бутылки ром, – добыча сама в наши руки приплыла! Нас спасать! Ну, насмешили ребята. Значит так! Одного из вас, вон того седобородого рыбака, я, так и быть, отпущу! Но не по доброте душевной, а лишь затем, чтобы он добрался до берега и привёз мне вот прямо сюда всю вашу полковую казну! Так сказать, выкуп за ваши никчёмные и глупые душонки! Не привезёт... вздёрну всех на рее! Море скоро штормить перестанет, к утру наступит штиль. И вас, болтающихся на ветру, далеко будет видать! Кавалеристы – матросы! Спасатели! Нет, ну это же надо до такого додуматься! Расскажу в Лондонской таверне, так не поверят же!

Несколько раз перечитав требование пиратов, Бароздич приказал конфисковать все имеющиеся в посёлке лодки и готовиться к ночной атаке.

Однако ничего конфисковывать не пришлось. Местные рыбаки все как один согласились помочь уланам и вызволить односельчан... или погибнуть с ними заодно!

Где уж ученики раздобыли старые, ещё советские, пистолеты и пистоны к ним, так и осталось тайной, но стрельба на сцене была знатная! По пиратскому кораблю, окружённому со всех сторон рыбацкими лодками, палили из всего, что могло стрелять.

В кромешной тьме каперский капитан принял «единственное» правильное решение: как можно быстрее поднять белый флаг и сдаться на милость этих сумасшедших русских, ведь перебьют всех до единого.

(как выяснилось позже, в результате этой атаки не был ни убит, ни ранен, ни один человек, находившийся на борту!).

На этот раз Подопригора спроецировал на сцену интерьер кабинета военного министра Российской империи Баркляя де Толли.

Михаил Богданович внимательно вчитывался в рапорт, доставленный с берегов Балтики и мало что понимал:

– Бравые уланы захватили судно, освободили товарищей и взяли в плен пиратов, нанятых англичанами?! Вот интересно, тот, кто это писал, часом, не был мертвецки пьян? Впрочем, в качестве доказательства к рапорту присовокуплен корабельный флаг, что перевешивает все сомнения.

– Министр взял со стола колокольчик и вызвал к себе дежурного офицера:

– Пиши депешу тамошнему гарнизонному командиру, – де Толли надел перчатки и лишь после этого, брезгливо двумя пальцами смахнул каперский флаг в нижний ящик стола.

– Продолжим, чего стоишь, садись за стол, так писать сподручнее, – министр указал офицеру на стоявший поодаль маленький стол, – первое, этого храброго и находчивого Бароздича повесить в звании, присвоить ему чин...э... скажем... ротмистра, второе; каперское судно продать, а деньги

разделить среди всех участников штурма, третье; не забыть при этом и местных жителей, предоставивших для оной операции свои лодки! Написал?! Дай сюда, подпишу и вели доставить сей документ без всяких проволочек!

Декорация на сцене актового зала вновь поменялась и теперь представляла собой ратушу города Ревеля, в одной из комнат которой бушевал губернатор края принц Ольденбургский:

– Неизвестно, кого одарить таковыми деньжищами, а меня, губернатора, за весь край отвечающего, даже не упомянули. Не много ли на себя берёт этот министр, сейчас же отпишу бумагу самому императору. С подобным безобразием надобно бороться, иначе совсем почитать перестанут. Раз есть добыча, – значит, и непременно должна быть моя доля! Коль сей прискорбный случай имел место на вверенной мне земле!

На сцену вышла учительница истории и на правах автора зачитала текст высочайшего повеления:

*«Деньги отдать тем, кто непосредственно участвовал в абордажном деле!
Александр Первый».*

И, выждав театральную паузу, тихо продолжила:

– Когда всё продали и поделили, с учётом непосредственного участия каждого, то на одну рыбацкую и уланскую душу вышло по сто четырнадцать рубликов. Что соответствовало жалованию солдата-рекрута за... десять лет! Ну, а храбрец-ротмистр должен был стать фантастически богатым человеком, ибо ему причиталось десять тысяч рубелей, ассигнациями!

За спиной учительницы опустили занавес.

– Так стал Бароздич миллионером или нет? – раздалось с места.

– Вы сказали, должен был стать?!

– Деньги до солдат и рыбаков дошли или их Ольденбургский себе прикарманил?

Мария Ивановна подняла вверх руку, и в зале мгновенно наступила тишина.

– Два года различные бумаги, касаемые выплат призовых, в то время это так называлось, путешествовали из одного ведомства в другое, за это время началась и окончилась Первая Отечественная война. Ротмистр погиб в первые её дни, как и половина его отряда.

Но, к чести чиновников военного ведомства, деньги они себе не присвоили. Их все до копейки перечислили родственникам погибших и выплатили живым. А вот была ли родня у храброго ротмистра мы, увы, так узнать и не смогли.

Добавить комментарий

Комментарии